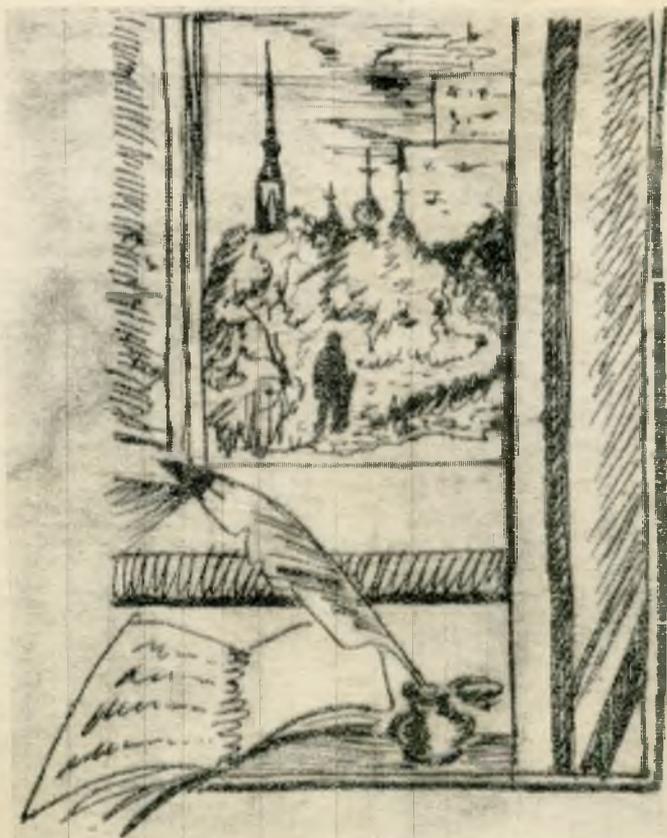

К 1218615

**П
О
С
О
Ш
О
К**

СТИХИ

**Николай
Фокин**

1993 г.

НИКОЛАЙ ФОКИН

Посошок

СТИХИ

1993 г.

Автор. Составитель Фокин Н. В.
Технический редактор Коробова Т. В.
Художественный оформитель Кашин Р. Н.
Ответственный за выпуск Чежин А. С.

Книга издана на спонсорские средства ТОО «ЭКРАН».
Право издания принадлежит автору. Переизданию и
перепечатке не подлежит.

Сдано в набор 1.10.93. Подписано в печать 23.11.93.
Формат 60X84/16. Бумага газетная. Гарнитура журнальная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 10,75. Тираж 1000.
Заказ № 1011. Нюксенская типография с. Нюксеница,
Октябрьская, 8.

Вставай, погостная Россия!

Н. В. Фокин

Снимок 1971 года.

ОБ АВТОРЕ

Фокин Николай Васильевич родился 31 мая 1953 года в деревне Котельниково (ныне с. Можайское) Вологодского района Вологодской области, где и получил восьмилетнее образование. 9-10 классы заканчивал в школе интернате г. Вологды. После школы работал слесарем в г. Соколе, затем лесорубом в Архангельской области, отсюда и был призван в армию. После армии жил и работал в Краснодарском крае. По приезду на Вологдину работал газетчиком, в строительных бригадах и в других организациях.

В 1983 году автор прочно обосновался в с. Нюксенице Вологодской области, где и по сей день продолжает трудиться.

Первое стихотворение опубликовал в районной газете «Сокольская Правда». Печатался в областной периодической печати. В региональном журнале «Север». А также в коллективных сборниках стихов: «Север поэтический», «Молодые голоса Севера», — Сев-Зап. кн. изд. «Молодая Гвардия 89», в лит. худ. альманахе «Сполохи» — с-запад. изд., «За Северным перевалом» — В-Устюг, а также стихи публиковались в японском фольклорном сборнике «Народ», перевод Е. Накамура.

В настоящий сборник «Посошок» вошли стихи разных лет. В книге четко прослеживается жизненный путь лирического героя. Первая книга поэта, вышедшая на нюксенской земле, где написано большинство стихотворений, приурочена к его сорокалетию.

ЧАСТЬ I

БРОДЯГА

мирный, улыбнись!

Я вырос в том раю советском
Внутри партийного села
За ситцевою занавеской
У небогатого стола.
Но помню, как гуляли яро
Студенты там — большевики.
И сам я — их любви подарок —
Родился в знатные деньки.
Когда на одре величавом
Вождь приказал всем долго жить!
И это есть мое начало,
Которого — не изменить!

май 1991 г.

ПОДПАСОК

Детский голос моей души, —
Жавороночек говорливый,
Вырастал ты в лесной тиши
В сиротливости неспесивой.
Лишь тобою могу за себя
Перед Богом навек заручиться:
Я явился на землю любя —
И доселе мне милое снится.
Снится утренний белый сон:
Я бреду за бодливым стадом.
Мир в предзории росняном
Обливает меня прохладой.
Он мне катится в ноги сам
Накопыченным перегоном
И бубенчиков бронзовый гам
Заливается с перебором.
И на окрик крутой пастуха

Грустно смотрят глаза коровьи:
Плеть погонщика нелегка, —
Ухлестнуть норовит до крови.
Не забыть те глаза никогда,
Среди мирных и нежных красок.
Да все мучает сквозь года
Это горькое слово — подпасок.

7 июня 1989 г.

* * *

Среди гроз сенокосного лета
С алой радугой через плечо
Заявилась, цветами одета,
И дохнула в лицо горячо.
И напрасно я, жмурясь от дива,
Прикрывал свои очи рукой,
Шеей ты повела лебединой
И меня позвала за собой.
Как тебе я поддаться позволил?
До сих пор разгадать не могу.
Моя песенно-босая доля
На присухонском берегу.

1976 г.

ТЕЛОК

Что за напасть, — вдруг запоносил
Не впрок обрат и молоко.
Мычит, пофыркивает носом.
Поверю, милый, нелегко!
Дрожит ослабленная холка.
За ветврачом бежать пора,
Но мама потчует теленка
Душистым чаем из ведра.

«Отпей, родимый, не побрезгуй —
Жизнь и без хвори коротка».
Сосет и чмокает болезный,
В глазах два слабых огонька.
А утром хрупеньким копытцем
Ударил в ясли, замычал...
Ну что ж, пора и подкрепиться.
Пей молочко — да помни чай!

1976 г.

Ю. Половникову

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я не могу тот город серый
Теперь без дрожи вспоминать,
Где от работы непомерной
Сошла в могилу рано мать.
В трущобной сырости барака,
В своей квартире — конуре
Мы жили хуже, чем собаки
В январский холод на дворе.
Не оттого ли запивался
Дурною брагою барак.
И долго, долго не кончался
В нем расходившийся бардак.
Я до сих пор при слове «отчим»
Весь напрягаюсь, как струна:
Его побоищные ночи
Не вынес бы и Сатана.
И я, скрываясь у соседей,
Мечтал, что, может, повезет:
На праздник бабушка приедет
Меня в деревню увезет.
И та, приехав, увозила..
Потом забрала навсегда,

Тот день отъезда хлопотливый
Я не забуду никогда.
И как в начальной сельской школе
Меня приветили с теплом,
И я не думал уже боле:
«Как завтра день переживем».
1988 г.

В ТО УТРО

Вступало лето в пору страдную,
Когда я в город уходил.
Я уходил, о, Боже праведный,
От тех, кого легко любил.
Я оставлял края родимые,
Шел сенокосной стороной,
И облака вольнолюбивые
Неспешно плыли надо мной.
В пахучем зное злились оводы
И в грудь таранили меня.
На мои жалостные проводы
С забора зрела ребятня.
И у реки в косынках женщины
Мне вслед кричали: «Не спеши,
На городской зазнобе женишься —
Навеселишься от души!»
А в стороне, что не кричала мне,
Стояла с женщинами та,
Которую в года печальные
Я вспомнил после неспроста!
В душе не чувствуя неладного,
Я улыбался и шутил..
Я уходил, о, Боже праведный,
От тех, кого легко любил!..

21 сентября 1987 года.

АНГЕЛ ПОЛЕВОЙ

Что ты, белая береза, загордилася?—
В поле ветренном качаешься одна.
Не по воле своей в поле удалилася,
Была семенем сюда занесена.
Подойду к тебе, зазноба бледнолицая,
Проторенною охотничьей тропой.
И коснусь тебя шершавой

рукавицею—

Заволнуешься, мой ангел полевой.
Раскачаю твою прелесть одинокую,
Запылится с плеч веселая пурга.
Ну, а я от дива дивного заховаю:
До чего же ты пуглива и нага.
И уйду к себе до дома снежной

замятью,

Прогудят над чистым полем провода,
Навсегда оставив в светлой моей

памяти

Эти детские наивные года.

1973г.

интернат, Вологда.

Л. Костягину.

* * *

Ветер катит по дороге
Ком метели ледяной.
У девичьего порога
Мерзнет парень молодой.
Приговаривает строго:
«Ну пусти же, весь дрожу.
Отогрею только ноги, —
Даже слова не скажу».

А явился этот парень
Из соседнего села.
«Восемь верст оттопал даром,
Не пускает, а звала!»
Но пожалилась дивчина,
Пропустила молодца.
Не любовь ли в том повинна —
Не найдет на нем лица.
Рукавицей оттирает
Щеки, уши и ревет:
«Ты с какой такою кралей
Выходил вчера в народ?»
Объясниться б парню словом,
Да зазноба не дает.
Так оттерла — стал багровым
И отшлепала вперед.
— «Что ты, Любка голубица,
То двоюродна сестра
Заявилась из столицы
Неожиданно вчера».
Губки вспыхнули малиной,
Но сказала: «Полно врать!»
И остался у дивчины
Хлопец наш вечеровать!

1977 г.

ПОБЕГ

Есть прок и порок в поученьи,
Что счастье в дороге найдешь.
Не с тем ли тогда настроеньем
Пошла из села молодежь.
Все враз разлюбил захолустье,

Вдруг ринулись в город на свет.
И матери с тайною грустью
Глядели бегущим вослед.
Глядели и думали: «Как же—
Великая честь аттестат.
Ученому руки не свяжешь —
Все выбиться в люди хотят».
И мы уходили без грусти,
На совесть ступив каблуком:
«Прощай ли, мое захоlustье—
Дорога моя с ветерком!»
Как в прорву лилось то течение
Деревне на боль и на страх.
И разве что по воскресеньям
Ей чудился праздник в домах.
Отпив, отплясав на глубинке,
С запасом отцовских харчей
Мы вновь устремляли ботинки
К ученой чужбине своей.
Но сердце, в исканиях выстыв,
Всегда повернется назад.
И вот уже снились нам листья,
Что дома на липах шумят.
В отчаяньи хмурый сантехник
Письмо отправляет домой:
«Хотел бы обратно приехать —
Да как с белоручкой женой?»
Швея излагает о том же:
«Ах, мама, не жизнь, а скандал,
Но с мужем на родину, боже!
Таких еще свет не видал..»
Другие и вовсе пропали,
Когда то всплывет их печаль.

И лишь единицы попали
В свою сокровенную даль.
Себя среди них я не вижу,
Хоть тоже в десятку попал:
Мне те — неудачливей — ближе,
С которыми я поблуждал
По горькой полыни чужбины
С тоской по родной стороне.
Не знаю, кто в этом повинен, —
Но доля вины и на мне.

1987 г.

УТРО В ГОРОДЕ

Готов с утра проклятьем разразиться.
«Но на кого?» — подумаю — «За
что?»
Такие же кругом мелькают лица
И с шумом загружаются в авто.
Не допили досыта, недоели,
С утра друг другу души сокрушив.
Детей, под ругань, подняли с постели
И понеслись на службу без души.
Ах, город! Не люблю твое я утро:
Невыносимо — нудный визг и гам,
Припоминая день вчерашний смутно,
Вступаю в новый с горем пополам...

1986 г.

В РЕСТОРАНЕ

— Дружище, шел бы ты домой!
Глядишь, что немец, исподлобья...
— Официант, я не хмельной
И не тебе, подлец, подобье!
Ты гонишь к дому! Все равно
Пропалим нету возвращенья..
И суррогатное вино
Он пил из рюмки с отвращеньем,
Переполюня ресторана,
Глазами рыскали девицы.
А он сидел, как истукан,
И все не мог определиться.
Он вспоминал родимый лес
В дурмане майского цветенья,
Но тут взорвавшийся оркестр
Перечеркнул его виденья.
И опорожненный графин
Сыграл в ударник не на шутку.
Их было много, он — один,
Его доставили на сутки.

1987 г.

* * *

Кошмар прошел. Оттаяла душа.
И дышит грудь легко на все
просторы.
Вот так бы жить и думать не спеша
И не вести хмельные разговоры.
О, сколько снова выпито вина!
И сколько слов растратчено впустую.
Играет русским духом Сатана —

И ведь лазейку выискал какую:
Что выпускает дух — через угар,
И слабнет тело, тяжелеют веки.
А после слышишь — хватанул удар
Такого-то, а был орешек крепкий.
Ах, русская сивушная тужиль!
Тебе пора бы памятник поставить!
Как мотыльки, летим на эту гниль—
И ничего с собой не можем сладить!

1991 г

* * *

Грешу и каюсь!
Каюсь и грешу!
Отогреваю зельем свою скуку.
У зелья исцеления прошу
И удесятерю свою муку.
Я не один —
Таких невпроворот!
Отяжеливших безобразьем душу.
Но это мой,
Мой дорогой народ,
Которого я должен
Сердцем слушать!

1990 г.

* * *

Мне бы в небо подняться,
Где звезды горят.
Да на дно приземлили
Мой хрупкий талант.
В этом пьяном и зыбком
Захудалом быту

Я стараюсь нащупать
Свою высоту.
Только падают руки
Обессиленно вниз.
Я споткнулся о рюмку —
И снова раскис.

1991 г.

* * *

Заслоняют тучи синеву
И плывут драконами на север.
Я живу, как будто не живу,
Потеряв к любви высокой веру.
Нет ни друга рядом, ни жены,
Лишь глаза обманчиво чужие
На меня глядят со стороны
И мерцают, словно не живые.
Так и звезды в холоде горят,
Только звезды манят, увлекают —
Эти об измене говорят,
Эти обжигая, унижают!
Прикипел я сердцем к Сатане,
Рвусь на свет, но все безрезультатно,
Хотя знаю по своей вине
Я накликал черную расплату.
Ну, смотри, холодная мадам!
Я легко читаю твою душу!
Пусть в моей душе сейчас бедлам —
Я сердечной правды не нарушу!

1979 г.

Остановит и спросит меня:
«Уж не так ли ты рвался оттуда
За мелькнувшим крылом журавля.
Десять лет ждал и веровал в чудо,
А, выходит, надеялся зря!
Ну, езжай, почему же ты медлишь?
Отчего призадумался вдруг?
Иль в обратное счастье не веришь?
Или в сердце измены испуг?»
Как ответить мне совести просто,
Как товарищу, а не врагу:
«Не хочу быть на родине гостем,
А хозяином стать не смогу».

1976 г.

* * *

Дорога дальняя —
Дорога близкая.
Моя судьба,
Как поезд быстрая,
Ведет меня вперед
Стезя железная.
То в поле ветренном,
То рядом с бездною

1978 г.

* * *

Все это припомнить непросто,
Но в память вошли навсегда
Железнодорожные версты
И с родины путь — в никуда!
Хмельное бессонное время,

Порывом души не здоров,
Я мчался в вагонах тупея,
Под рокот чужих городов.
Гуляя в предгорьях Кавказа,
Вдали от присухонских нив,
О море не спел я ни разу
И не был у моря счастлив.
В оковах развратного плена
Мои потухали года.
Морская целебная пена
Мне ядом казалась тогда..
Со свистом, наполненным болью,
С презрением кратким в судьбе,
О, Вологда, как из неволи
Летел я обратно к тебе.

1987 г.

ГЕЛЕНДЖИК

Я помню тот зеленый Геленджик.
Но всякий раз, как взор назад ни
кину,
То вижу вновь: архангельский мужик
Скулит в приморском скверике —
«рябину»
Тогда ему я тоже подтянул —
Земляцких душ немислимо
притворство.
И он меня с собою потянул,
Пообещав приятное знакомство.
В его неброском купленном раю
Сидели две роскошные девицы.
И он из них мне предложил свою:

Перебирая звонкие коклюшки.
Узорит вечер зимнее окно,
Трещит мороз рождественский на
святки.

Я улетаю с сочным молоком
И новых сказок требую от бабки.
Вдруг в двери стук! Не выдержал
запор,

И ряженные встали у порога,
А я, расширив изумленный взор,
За бабушку прячусь: сгиньте ради бога!
От них воняло луком и вином
И бесшабашно праздничным
задором

Несло от них.. о, родина, потом
Я это помнил, плача под забором.
Когда блуждал по южным городам,
Теряя ум, калеча свою душу..
Я думал — сердце женщине отдам
И ничего на сердце не нарушу.
Но вышло все до горечи не так.
У всех свои обычаи и нравы.
Одна лишь только песня у бродяг,
Которым ни до денег, ни до славы.
И душу ту, что не перековать,
Ждут притеснения злые и угрозы..
Вот отчего вернулся я опять
К тебе, мой край, в январские морозы.
.. Как хорошо все нынче помню я!
И слушаю, как бесится и свище?
Заводит песни вьюга плетет
На безутешном бабкинском кладбище.
январь 1991 г.

Ты меня не пытай о Кубани, —
Мне на севере хватит забот.
Что я вспомню из южных скитаний?
Дней безтрезвенных круговорот!
Да станичную белую церковь,
Где крестил чернобровую дочь.
Эта память во мне не померкла —
Остальному уже не помочь.
Да, еще, выходя из запоя, —
Под пролетную грусть журавлей, —
Вспомню, как среди голого поля
Я рыдал о деревне своей.
Зов отчизны — большее недуга —
Не казак я на белом коне.
Налегке, без семьи и без друга
Я вернулся к родной стороне.
Оттого помолчим о Кубани!
Нам на севере хватит забот,
Хоть сиротство крещенной Татьяны,
Знаю я, не простит мне Господь!
1987 г.

ДОЧЕРИ

Дремлет в елях беззвездная
ноченька.
Снег ложится на землю легко.
Где-то спит моя милая доченька—
От меня далеко-далеко.
Не найти никаких оправданий, —
Да и надо ль выискивать их:
Если третий невинный был ранен
В глупом споре виновных двоих.
1976 г.

* * *

Давай, дружок, пока еще возможно,
Пока не упредили волю нам.
С нехитрою поклажею дорожной
Пройдем по Вологодским деревням.
Нам улыбались Ялтинские пляжи
И обдувал нас волжский ветерок,
А рядом в полувыстроенной Сямже
Не понимал нас русский говорок —
«Уж не хвали ты девицу до срока».
Та истина народа — не моя:
Что ближняя проворная сорока —
Заморского пригожей соловья.

1979 г.

ВЗДЫМЩИКИ

Мы шли дорогой к Верховажью,
Оставив хаки под кустом.
А мимо нас летели важно,
Бичами брезгую авто..
Кто были мы на самом деле?
Неважно — вздымщики в беде.
В одной запущенной деревне
Нас пригласил к ночлегу дед.
Сказал он хрипло, приглушенно:
«Намедни баню протопил».
Потом добавил отрешенно:
«Ребята! Нету боле сил
Изба течет...»
Мы спали в бане
(Нашлись у деда хлеб и соль),
А утром с самой ранней рани
С князька раскатывали толь..

1990 г.

ГОРОДУ СОКОЛУ

О чем расшумелись березы
Над мутной холодной рекой?
С глухим приближеньем мороза
Надежней отчизны покой.
Тяжелые жгучие мысли
Беснуются снова в ночи
И гонят на старую пристань
Бессонницу ветром лечить.
Застывшая цепь пароходов,
Ни звука на всем берегу,
Я не позабыл этот город,
Но жить в нем никак не могу.
А может, все это уместно —
Что всельная сила крыла
Отсюда меня еще в детстве
В свободный полет увела

1987 г.

ПИСЬМО СЕСТРЕ

В моей душе обиды нет —
И нет досады.
Сестричка милая, привет,
Грустить не надо.
Сии почтовые стихи
Не для газеты..
Слезинку с глаз рукой смахни,
Пусти на ветер.
Он донесет ее ко мне,
Возьму в ладони,
Услышу в отчей стороне,
Как ветер стонет..

Останься у любимых дел,
Тоски не зная —
Я вышел, видно, за предел
Родного края.
Не заклинай мою звезду,
Не сей тревоги:
Я не сорвусь, не пропаду
В своей дороге.

1980 г.

О ЩЕНКЕ

Если хочешь занять ты друга —
Заведи хорошего щенка,
Чтоб в часы душевного недуга
Помощи не ждать издалика.
Он в тебе не малая частица, —
Не учи служить, а понимать.
И когда беда с тобой случится —
Он сумеет рану зализать.
Если даже женщине любимой
Завтра, вдруг, окажешься чужим —
Брось ее — любовь не свяжешь силой,
Верный пес останется твоим.
Я бы сам хотел иметь такого
Умного, красивого щенка,
Но, оставив жизнь свою без крова,
Не согрею крошке молока!

1978 г.

ЛОСЬ

Не каждому увидеть довелось:
Когда заря над миром развернется,
На водопой из чаши выйдет лось,
Неся в рогах ликующее солнце.
Река недвижна в зыбке берегов,
Лишь родничок волнуется, малютка.
Лось жадно пьет, склонив убор рогов,
Могучей шеей вздрагивая чутко.
...Но оторвет он ноздри от реки,
Посмотрит зорко вдаль перед собою
И умных глаз тревожные белки
Наполнятся горячею зарею.

1979 г.

ВОЛЧИЙ ПРИЮТ

Чужая сердцу сторона—
Барачные чертоги.
Куда занес нас Сатана
От праведной дороги?
Казенный двор. Стаканный звон
Бывалого народа.
Который день притон хмелен —
Бузует непогода!
Дадут ли нам с тобой приют
В прокуренном бараке?
По волчьи где едят и пьют
И затевают драки.
И, обозлясь на белый свет,
Советы проклинаят.
Здесь правды не было и нет.
Здесь силу почитают.

Работой правят матюги
В лесоповальном шуме:
«Туда ее — вали и жги!
О будущем не думай!
Ведь все равно просвета нет —
День будущий — отрав!»
Встает испуганный рассвет
Над пьяною оравой.
И что ей в руки вручено?
И по чьему указу?
Все к бездне движется давно —
Да остановишь разве?..

1979 г.

* * *

Раскричались вороны
Над сторонкой родной.
Разнесли во все стороны:
Будто я не живой.
Что, укрытый чужбиною,
Мой дремучий погост
Репеем и крапивою
Безобразно оброс.
Полно, вороны грозные,
Каркать лихо не в срок.
Мне живется небоязно
В переменах дорог.
Широка исполинная
Вологодчина-мать.
Еще долго, родимая,
По тебе мне шагать.
Ляжь, дороженька, скатертью—
Будет трудно шагать —
На погост к своей матери
Мы придем умирать.

1979 г.

* * *

Не провожай скупым поклоном
Меня, негаданный ночлег:
В избушке этой незнакомой
Я не случайный человек.
Спасибо, бабушка, за сочни,
За миску крепких русских щей...
Я много думал этой ночью
О древней родине моей
И за сердце меня задела
Ее нелегкая пора.
Не от тоски душа болела —
Душа болела от добра.

1980 г.

* * *

Дует встречный ветер
Да ведет тропа.
Не к тебе я метил —
Да к тебе попал.
Верить ли, не верить
В поворот судьбы?
Чем его проверить:
Что без ворожбы?
После дум собачьих
В поле под метель
Самовар горячий,
Чистая постель!
От добра, сестрица,
Не ищу добра...
Дай воды напиться —
Уходить пора!

1988 г.

Среди пугающей ночи:
Пронзили белое смятенье
Фар ослепительных лучи,
Я вскинул руку: друг любезный,
Откуда ты? И в самый раз!
Прогрохотал в ответ железно
Ширококузовый КАМАЗ.
Прогрохотал и двинул дальше,
Сильнее холодом обдал.
И я, с досады изругавшись,
Ему кювета пожелал.
И снова шел, подставив ветру
Лицо для крепких оплеух,
Браня холодную планету,
Ее зимы недобрый дух.
И вот, когда в продрогшем теле
Тепло едва я ощущал,
Увидел вдруг: на самом деле
КАМАЗ в кювете буксовал.
И стало так смешно и грустно
От слов пророческих своих,
Что я подумал: «Правда, чувства
Сильней моторов громовых».
Шофер совковою лопатой
Копался в адовом снегу.
И я сказал ему: «Понятно,
Дозволь, братишка, помогу».

1977 г.

* * *

Родимый край, пускай умру
Перед судом молвы недоброй.
Тебя в свидетели беру:
Я не хитрил в своей дороге.

Гонимый шумом городов,
Я проживал в деревнях тихих,
Где находил для сердца выход,
Чтоб сохранить свою любовь.
Я никому не сделал зла,
Обиды в песне не оставил.
Так кто же все-таки сказал,
Что свой очаг я обесславил?
Далась не всем в уюте жизнь,
Пусть наше счастье некрасиво —
Бродяга мирный, улыбнись,
Дороги наши по России.

1980 г.

ПОСОШОК

У меня в руках котомица
Дивной вышивкой украшена.
Я шагаю по околице
Незаросшей тропкой Яшина.
Кто он был поэт, крестьянин ли?
Где он жил—в Москве ли в Вологде?
Этот чудный северянин,
Что стихами околдовывал.
А расшитою котомицу,
Посошок резьбой украшенный —
Поднял я у той околицы,
Проходя тропинкой Яшина.
И раздвинулась околица,
Поклонилась мне и молвила:
«Если взял ты, брат, котомицу —
Спой мне так, чтоб слушать стоило!»

1974 г.

* * *

Бреду по лесу. Лист мелькает,
Под ноги падает шурша.
Душа как будто отдыхает,
Но отдыхает ли душа?
Все в безразличной поволоке
Едва заметного дождя.
Пустынно, сыро, одиноко.
Зачем я здесь? Откуда я?
От глаз недобрых укрываясь,
Себе на радость, на беду
Вновь одиночества пугаюсь
И к одиночеству иду.

1978 г.

* * *

Пришла и грудь перехватила
Внезапно вспыхнувшая грусть.
Смутила или отрезвила —
В пути никак не разберусь.
Деревни сонные, пролески
И опустевшие поля.
И ветер резкий, ветер дерзкий
Ревет, недоброе суля.
О, друг, постигший постоянство
Как долг, как веру, как любовь,
Ужели я вернусь из странствий,
Увижу дом родимый вновь?
Приду, оставленный и нищий,
Взгляну на матери портрет.
Теперь на сумрачном кладбище
Мне перед ней держать ответ.
В Устюг. 1982 г.

Взгляну за окно
В глаза замерзающей ночи:
Как ветер ревет,
Как ветер смириться не хочет.
Да, я узнаю
Его необузданный почерк.
Какую беду
Еще мне кочевник пророчит?
О, как нелегка
Дорога к родимому краю,
Но надо идти,
Что б сердцу ни стоило, знаю!
Уж юность прошла
И молодость вот уж в зените.
Каких я искал
В краю незнакомом открытий?
Пора, уж, пора
К себе навсегда воротиться..
От новой беды
Родной стороной заслониться.

1979 г.

СИНИЧКА

За окном синичка северянка
По кусочку сала — тук да тук —
Ах, синичка, мне твоя морзянка
Навевает в сердце теплоту.
Мне твои понятны позывные.
Наслаждайся, милая — живи!
Эти крохи жизни даровые
От меня — признание в любви.
Все мы дети одного зимовья.

Всякий брат для доброго зачат,
Но одни все видя, многословят,
А другие, видя все, молчат.

1986 г.

* * *

Моя осатанелая душа
Разбросана по родине огромной.
Здесь я родился,
Детством там дышал.
Там юность расцветала беспокойно.
И по стране проделав долгий путь,
Я молодость отдал исканьям сердца.
И вот теперь бы время отдохнуть,
У очага родимого согреться!
Но холодно в пристанище моем.
И печь топлю, ладони грею — зябну!
Сильнее понимая с каждым днем,
Что без любви и ласки твоей слабну.
А вьюга выбивается из сил,
Сопит в окно холодной расплатой:
«Молись, поэт — долг воздается свято.
И радуйся, что сердцем не остыл!»

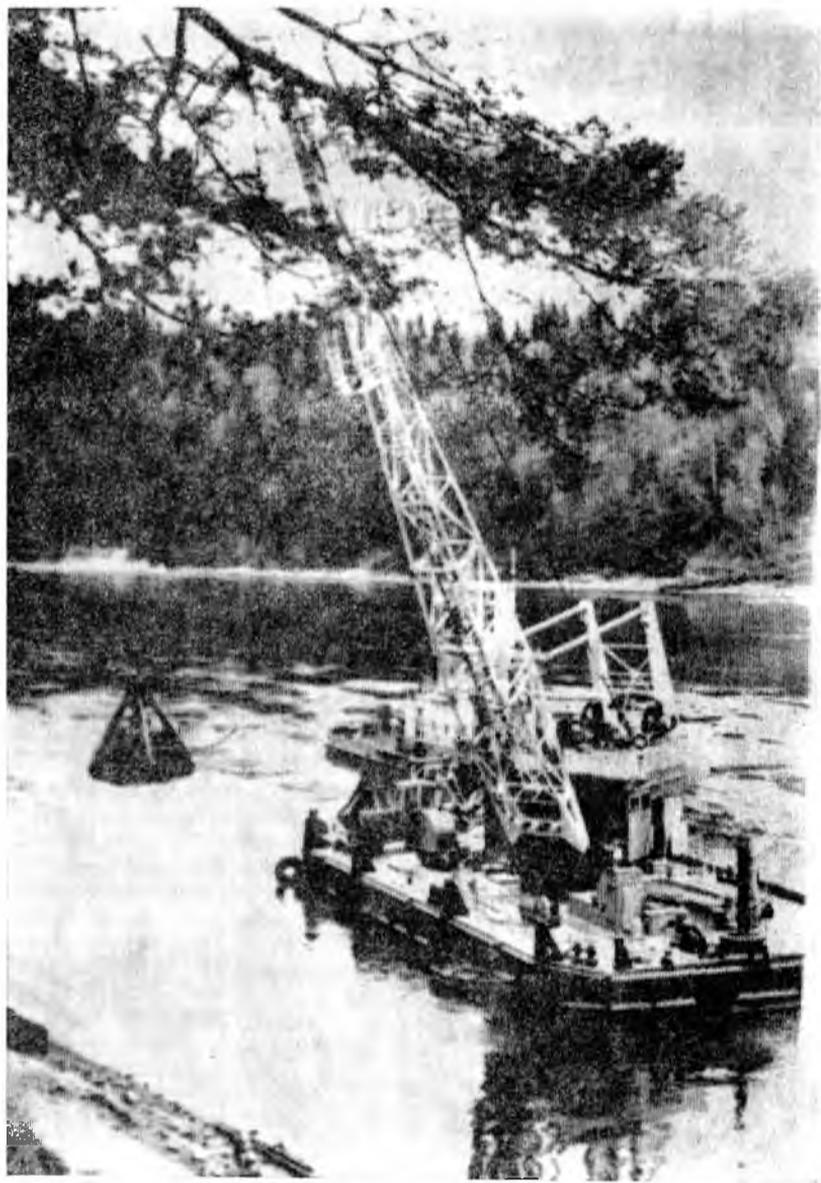
1981 г.

МАТЕРИ

Как холодно. Осень.
Ни зги за окошком.
Промокшие руки
Рябины продрогшей
Устало стучатся
В расщельные рамы.

ЧАСТЬ II

**ПРИВЕТ ТЕБЕ,
Отеческий причал!**

НА ПАСХУ

«Как здоровье?» — ты спросишь.
«Отлично»,
Пересилив на сердце хандру,
С красной Пасхой и желтым яичком
Просыпаюсь легко поутру.
Сердцу радостно. Ясен рассудок
Настроенье играет в груди,
Лепестками живых незабудок
Обещая успех впереди.
И на Бога в любви уповая,
Я целуюсь со всеми с утра,
Русь моя, ножевая, живая!
Просыпаться со всеми пора!

7 апреля 1991 г.

ЧЕРЕМУХА

Напудрилась черемуха,
Готовая к цветению.
Вот-вот сейчас распустится
И выльет на поля
Кудрявое, душистое,
Веселое кипение.
И русской невестушкой
Нарядится земля.
Но потянуло с севера
Порошею непрошенной
И тучами сердитыми
Покрылся небосвод.
Ах, на весну не сетуйте —
С обидою глубокою
Ведь это просто-напросто
Черемуха цветет.

1980 г.

* * *

Ночью с неба упала звезда-
Сердце екнуло: короток век!
И подумал я горько: «Беда —
Где-то умер опять человек!»
А наутро взорвался рассвет.
Был по майски он яростно ал,
И подумал я радостно: «Нет! —
Мир другого, красивее — дал!»

1984 г.

НЮКСЕНИЦЕ

Чем ближе к Устюгу,
Тем круче берега.
К Двине стремится
Сухона река.
И я к тебе неистово стремлюсь
Моя родная, северная Русь.
Над Нюксеницей
Расплескался май.
Еще один
Руси бессмертный край.
Привет тебе,
Отеческий причал:
Я здесь людей
Хороших повстречал.

22 мая 1983 г.

СЕРДЦЕ РОДИНЫ

С теплохода потерянным вышел,
Осмотрелся вокруг и обрел
Снова обетованную крышу

Небогатых присухонских сел.
Осветленные вечною грустью
Моложавые рощи берез
Провожают к далекому устью
Уж который не счесть лесовоз.
В стороне у глухого погоста
Дремлет церковь, рябина на ней.
Остро чувствую зелень покосов,
Приближение троицких дней.
В даль заречную не наглядеться:
Налилась даль густой синевой —
Это родины вещее сердце
Обещает закат грозовой.

1987 г.

* * *

Еле слышно струится река
И лепечут над плесом деревья.
Далека от хмельного смятенья
Дышит грудь отрезвленно — легка.
Как призывно поют соловьи!
Понимаю вас певчие братья:
Тот достоин любого проклятья,
Кто утратил напевы свои.
Ах, соловушка, чей ты? Ничей!
Твоя тайна у птичьего Бога..
В теплых сумерках белых ночей
Отдыхает душа от былого.

1983 г.

Прибита струями, река
Ключом вскипела.
И чья-то сильная рука
Мной овладела.
Вскружен, пропитан до мозгов
Волшебным сбитнем,
Я на речной метнулся зов
Под звонким ливнем.
И в этой жуткой красоте,
В бреду проточном
Поплыл в Купальской наготе
К целебной ночи.

1991 г.

ЦВЕТЫ

Июльской ночью зачарованный,
Я в поле слушаю цветы.
На их молитвы заговорные
Гляжу, любясь с высоты.
Телесными теснимый пытками
Я к своему иду врачу.
В палате лютиками вытканной
Себя ромашками лечу.
В такую ночь — на полнолуние
Глаза больного не глядят..
Но чьи-то очи очень юные
За мной растроганным следят.
Я не поддамся их влиянию —
Не в свое поле не пойду.
Ночным наполнен обаянием,
К ромашке грустной припаду.

д. Мартыновская, 1990 г.

Зовет подругу козодой
Неси меня, любовь бездонная,
Туда, где светится заря.
А ты уймись, мечта бездомная,
Что где то лучше есть земля.
С другими ливнями и росами,
С бекасей песней над рекой,
С иными в зорях сенокосами
С другой... но не твоей тоской.

1988 г.

* * *

Убегу в вечернюю зарю
Через желто-белые поляны
За цветы, за росы, за туманы
Край родной, тебя благодарю!
А еще тебя благодарю
За твою врачующую нежность,
Что приносишь чувственную
свежесть

В бедовую голову мою.
Не прожить мне мирно в городах:
Сколько нежеланных потрясений
Я несущу душе своей весенней
С суетой людскою не в ладах.
И подчас мне кажется, что я
Не принадлежу к людскому роду
Лучше б родила меня природа
Тополем у тихого ручья.

1977 г.

СТОЖАРЫ

Навалилась на травы жара,
Опахнуло теплом сенокоса.
И ни облачка в небе с утра,
И под вечер его не заносит.
Ночь вкрутую сварила туман,
Оросила духмяную пожню.
И на бархатный сон поселян
Опустила зарю осторожно.
Просыпаясь легко от зари,
Умывали серьезные лица
Нижнеуфтягские косари.
Уходили серьезно трудиться.
Парусами неброских одежд
Проплывали над спеющим хлебом
С возжелением добрых надежд
На горячее синее небо.
И в удушие июльской жары,
Когда дачники с черным загаром
У реки возводили шатры,
Они ставили молча стожары.

д. Мартыновская 1988 г.

НА СЕНОКОСЕ

Лишь травень сочный озаглавил
Зарей проспавшийся восток,
Иду в туманном разнотравьи,
Вдыхая свежий ветерок.
Держу с утра в руках не ручку —
Косу кормилицу держу.
И хоть косить ей не обучен —
Надеюсь тайно: «Докажу»..

Уж развернусь я на покосе,
Уж вы узнаете меня,
Когда работы сердце просит —
Лишь поддавай ему огня!»
Но говорит мне бабка Анна:
«Уж ты, Колюша, не спеши —
Покосишь сколько — то и ладно,
Была бы польза для души».
Но я спешу — отстать обидно,
Давая полный мах рукам.
И, вдруг, коса моя, возьми да!
О кочку — дзынь! — и пополам.
А тут сорока, так не кстати
Трещит из зарослей кустов:
«Уж не к рукам — так хуже
лаптя» —
Понятно, кумушка — нет слов!
1988 г.

ВЕЧЕР

Сжигает вечер облако седое
В костре закатном прожитого дня.
Чтоб завтра утро встало молодое
И свежестью дохнуло на меня.
И вижу я, как медленно густея,
Ползет из пекла вспененный туман
И на луга ложится холодея,
Неся траве прохладу и дурман.
Ступаю в росы пятками босыми,
Взбивая ночи влажную постель.
Я как дозорный дремлющей России
Храню ее святую колыбель.
И осмотрев все родины покои,

Иду своим проулком неспеша
К себе домой... а на душе такое,
Чего не в силах выразить душа.
1989 г.

* * *

Волю неба представить нельзя.
От удара стихии не скрыться.
Словно белую легкую птицу
Поразила березу гроза.
Встрепенувшись, упала она,
Раскидав опаленные ветви.
В чем ее выражалась вина
Перед небом?
Никто не ответит..
1978 г.

РЫБАЛКА В ГРОЗУ

Заблудилась гроза меж болот,
Распугав на болотах дремоту,
Из болота водицы попьет
И уходит к другому болоту.
Любо слышать мне над головой
Этих летних небес громыханье,
Видеть вымытых ив колыханье
Над лесной камышовой рекой.
Я сижу под сосновым зонтом,
Не страшась грозоликого жала.
И слежу за рыбацким костром —
Для бездельника — это не мало.

Разбрелись по реке рыбаки.
Манят блеснами хитрую щуку.
Я с кукана кричу: «Щукари!
Прекратим эту мокрую муку —
Пока лес до сучка не промок —
Не пора ли хлебнуть на дорожку»..
Я бросаю пакет в котелок
И крошу на заправку картошку.

1991 г.

* * *

Князьком поддержи́вая звезды,
Изба рассвета зажда́лась.
Давая сердцу полный роздых,
Стою к рябине прислонясь.
Счастливой грустью озаренный,
В уме лета перелистав,
Гляжу на села отрезвленный,
Мечтать о многом перестав.
Глядя на неба лик иконный,
Теперь на многое готов,
Я вижу свой конец достойный
Среди отеческих дымов.
И радуюсь, что мне досталась,
Среди всемирной срамоты,
Вот эта истинная святость
Исконно русской красоты.

д. Мартыновская. 1991 г.

* * *

В шесть окон на солнце домина!
Попробуй... поднять на горбу,

А жили на свете мужчины,
Что эту вершили избу.
Все сбито, поставлено крепко.
Сквозь бревен кондовую морщъ
Я чувствую молодость предков,
Их мускулов хваткую мощъ.
Конек посадили на место,
Усталости в лицах ничуть.
Теперь привести и невесту
Не стыдно в здоровый уют...
Когда это было, Россия?
Я память целую, любя,
Какая небесная сила
Еще сохранила тебя?
Не их ли костями мы хранимы!
Не их ли мы духом живем!
Так что же все мимо и мимо
Их светлых творений идем?
Хороним великое диво!
Такого уже не создать,
Как сосен в тайге худогривой
Теперь для него не сыскать
Как это случилось, Россия?
Я кланяюсь тем мастерам,
Работе их честной и силе,
И их золотым топорам.

1987 г.

ИВАНОВ ДЕНЬ

Гляжу в глаза улыбчивых цветов,
Гляжу и смутным сердцем замираю:
Я дожил до лазурных васильков
И васильковый облик принимаю.

О, родина, мне скоро сорок лет,
Пора смириться с дерзкими мечтами,
Минувших лет увянувший букет
Не прорастет на сердце васильками.
Но этот цвет предтеченского дня
Пусть в груди моей утешит драму.
Пусть шагают алчущие прямо
На Божий суд, но только без меня.
Я рай и ад постигнул на земле,
Проверил смысл деяний человека
И на его расхристанном челе
Увидел язвы будущего века.
Кому в нем жить? Я падаю в межу,
И ласково утешен васильками,
Сам васильком надорванным

дрожу,

Друзья мои!
Что будет завтра с нами?

1992 г.

ПОЛЕ

Я прохожу осенним полем
Отзолотевшего жнивья.
И поле ласковое колет
Щетинкой острою меня.
— Привет тебе, благая сладость,
Отзоревавших злачных дней.
На сердце — ангельская радость
И чувство родины моей.
Как хорошо без задней мысли
Голубить тяжкий свой удел.
И говорить суровой жизни;
«Я устоял. И уцелел».

Лишь только ты, родное поле,
Всему свидетель и судья.
И потому с понятной болью
Так зорко смотришь на меня.
Я не растил твоих колосьев,
Хлеба я кушал задарма.
Но пел я рифмою неброской
Твои живые закрома.
Пушкой меня сломает ветер,
Забудут братья и друзья,
Но знаю я — тебя на свете
Сломать, родимое, — нельзя!

1991 г.

КРАСОТА

Среди разврата и развала,
Не уставая жить и быть,
Душа моя не перестала
Прекрасное боготворить.
И при любой лихой минуте,
Теснима черною тоской,
В застое гибельном и смуте
Она держалась красотой.
Той, уходящей, бесподобной,
Земнородящей чистотой,
Росой умытою холодной,
Живой укрытою листвою,
Цветами пестро разодетой,
Речной приласканной волной,
Горячим солнышком согретой
И оглушенной тишиной.
Она крепилась только этим,

Не уставая жить и быть
На психопаточной планете,
Которую не усмирить
От злобонравной истерии,
От кровосжаждущих сердец..
Придет ли в этом божьем мире
Земному ужасу конец?
Чтобы святому поклоняясь,
Я мог с незлобною душой
Жить, не волнуясь и не маясь,
А наслаждаясь красотой.

1991 г.

Назаровой Светлане.

АВГУСТ

Мне не заснуть в такую ночь
Наплыва дум не превозмочь.
Смотрю, как небо над селом
Вдруг расступается огнем,
То предосенних взлет зарниц,
Как крылья фантастичных птиц
Меня уносят от земли
В миры безвестные свои.
Вот они взмылись, занялись,
Опять куда то унеслись.
И все погасло.. темнота,
Но не исчезла красота.
Я чую шепот колосков,
Грибницей тянет от лесов,
В стога уложенной травой
И свежей вспаханной землей
Не разделяет темень нас
И я шепчу всем: «В добрый час!»

1980 г.

СЕНТЯБРЬ

С брусники — загорелся!
С грибницы — опьянел!
В покоех желтолесья
Охотой прогремел.
По злаковым угодыям
Слышны его шаги,
Где на корню доходят
Живые пироги,
Ворчит и бродит тесто
На противне земли:
«Скорей, скорей... до места
На жаркие угли!»

1988 г.

РЫЖИКИ

Щедрой осенью душу врачую.
Вновь на рыжики выдался год.
Лишь у елочки встану и чую
Их сокрытый в траве хоровод.
Хлопотливая эта работа,
Обо всем на земле позабыв.
На коленях, до пятого пота
Собирать дорогие грибы.
Но потом, когда выкатит вьюга,
Хорошо под картошки парок,
Угощать ими лучшего друга,
Что заедет к тебе на денек.

1990 г.

Со мной столкнувшись на охоте
вдруг, —
У каждого своя в лесу удача.
И свой к удаче обозначен крюк.
Лишь только надо очень потрудиться,
Чтобы по лесу, сделав тьму кругов,
Домой с удачей доброй воротиться
И объяснить, что это не улов.
1989 г.

О ГРИБАХ

(басня)

Переменилась власть в лесу:
Под елью рыжик накатился,
За ним и белый объявился,
Заняв масленка полосу.
И крикнул белый гриб тогда
Зеленощечкой сыроежке:
«Посторонись ка, худоба,
В своей источенной одежке!
Не дело всякой червоте
К семейству липнуть боровому.
Тебе бы, мелкой босоте,
Идти в подружки к мухомору».
Стояли гордо — белый гриб
С румяным рыжиком под ручку.
Масленок к ним бочком прилип —
Очаровательная кучка.
Я шел по лесу и попал
На это спорное местечко.
Грибы в лукошко подобрал —
Всем хватит места в моей печке.
1986 г.

СКРОМНОЕ СЧАСТЬЕ

Скоро осени гаснут закаты,
И рассветы встают не спеша..
Грозовые пройдя перекаты,
Ничего не боится душа!
Что судьба? Перелетная птица:
Прокричала и скрылась в тиши..
Грезил в юности я о столице —
Да живу в глухаринной глуши,
Не горюй, мое скромное счастье! —
Невесомое, как кузовок...
Убредем в дождевое ненастье
По грибы, за расхлябанный лог
Там такая назрела волнушка,
И пошел за волнушкою груздь,
Что отдашь им и сердце и душу,
Забывая житейскую грусть.
Этой доли моей неугасной
Не отнять, не купить никому
Мое скромное тихое счастье,
Мне понятно лишь одному!

1987 г.

ЖУРАВЛИ

Никогда мне под шепот полей
Не предать журавлиные дали.
Осуждать мои слезы не смей!
Слышишь, как журавли зарыдали!
И о чем они горько скорбят,
Улетая с родного болота?
В этой песне осенних утрат

Есть для нас недоступное что-то.
Словно в лона небесной тиши
Вознесли горделивые птицы
Тайну северной русской души,
Чтобы с нею на юг удалиться.
Что же ты, умудренный в летах,
У обклеванной красной рябины
Вскинул взор к поднебесью в слезах,
Перед птицами будто повинен?
Уж не эта ли тайна любви
В тебе русском, оставленном, плачет?..
Сберегите себя, журавли!
Ничего без вас север не значит!

1988 г.

У КОСТРА

На задворках дремотной деревни,
Где зароды дозреют зарю,
Под угором в узорах деревьев
Я с костром до зари говорю.
Я бегу от людского пригляда,
Что пронзает порой до костей.
Здесь в гостях у заречного сада
Я как самый из лучших гостей.
Что-то есть в этом древне-святое,
Лишь подбрасывай сучья в огонь,
Изнывает душа красотой
Под рассветно-осеннюю сонь.
И кому это чувство доверить.
Чтоб не гасло оно на ветру,
Если завтра за сонной деревней
У костра незаметно умру?

1991 г.

ТУРИСТЫ

Вновь причалят к селу теплоходом,
Поглазеют на наши края,
Побеседуют с «темным» народом
И нежданно откроют меня.
Разберут мои скромные гены
И с какой-то нерусской тоской
Скажут: «Этому аборигену
Подружиться бы надо с Москвой...»
Мне для ясности сунут визитку
И укатят по Сухоне вниз,
Отпустив на прощанье улыбку,
Вновь продолжают веселый круиз.
Я сорву полевую ромашку,
Поглядев теплоходу вослед,
Брошу в волны чужую бумажку,
Содержаньем ее не задет.

1991 г.

ПЕРВЫЙ АСФАЛЬТ

В глухом краю,
Где дикая природа
Гляделась век
В колдобины дорог,
Сегодня дым асфальтного завода
Тяжелой сажеей волок заволок.
И все кричат:
«Пошел асфальт району!
Даешь дороги первый километр!»..
Не подчиняясь общему поклону,
Я в колею кладу цветов букет.

1990 г.

ГЛУБИНА

Под крылом самолета
Проплывают болота,
Вековые болота
Родной стороны:
Зачумелые кочки,
Доходные лесочки,
И над ними шатер
Голубой тишины.
Даму тянет на рвоту,
А меня на зевоту,
Укачала на ямах
Меня вышина.
Обращаюсь с вопросом
К отпускному матросу:
«Вам, наверно, по вкусу,
Землячок, глубина?»
Землячок ноль вниманья,
Дама в жутком страданьи.
Дама очень красива —
«Морячок не грусти! —
После качки угарной
От посадки желанной
Должен кто-то ее
По мосточкам вести».

1989 г.

КАРТОШКА

Запалю костер на огороде.
Выше бани пламя разведу
На ночную белую звезду,
Деревенской радуюсь свободе.

Ах, вы, искры — золотые мошки!
Хорошо, когда земля есть.
Напеку разваристой картошки,
Обжигаясь, буду ее есть.
В дни нужды! В бедовую порошу,
Вдруг судьба закусит удила, —
Ах, картошка, милая картошка,
Лишь бы ты меня не подвела!

1989 г.

ЗА ЛОСИНОЙ ГОРОЙ

Просиял и потух
Ранней осени лиственный всполох,
Обложил огород
Ледящего инея звон.
Над пустым парником
Одинок тоскует подсолнух,
Светозарной порой
Недорадован и обделен.
Сквозь лохмотья небес
Пробивается слабое солнце,
Осветляя на миг
Облетевшие вихри лесов.
От холодной реки
Стая птиц последних взметнется
И опять от воды
Неживой глубиной понесет.
Я с утра прохожу
Этим берегом полупустынным,
И слегка опьянен
Перезрелой хвоей боровой,
Проворонить боюсь

Отлетающий плач журавлиный,
Что послышится и..
Пропадет за Лосиной горой.

1990 г.

НА ПОКРОВА

Когда придет октябрь на Покрова
К погосту с красным посохом калины,
Когда снежком покроется трава, —
Взгляни на крест невинный!
Не многословь, обратно не зови
К себе того, кто оборвал дыханье.
Среди могил витает дух любви
И просит состраданья.
Молчи и помни, грешный человек,
Что и тебя любовь земли обнимет
И на тебя, как саван, белый снег
С небес Господь накинёт.
Так помяни крутым вином того —
Благие чаши сердца не убавят —
Кто от земных отчалил берегов
В заоблачную память.

1990 г.

* * *

По преображенному снежному полю,
Где в бабках недавно достаивал лен,
На грустные думы себя не неволя,
Пойду, в первозимок прозрачный
влюблен.

Пойду, как апостол в пустынные

дали

ДУШИ
ПОТАЕННАЯ
ПЕСНЯ

Я пришел от любви,
Я пришел от весны.
Мои думы чисты,
Мои песни честны.
Я пришел не иметь,
Я пришел, чтобы быть
За большое добро
Жизнь, тебя полюбить.

1976 г.

Н. Бурдыковой.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Мог ли высказать я удивление,
Выделяя тебя из других?
Ты явилась, как ясновидение
Вся земная — из лон неземных.
Под весны молодое дыхание,
Ничего, никого не страшась,
На полей изнемогших рыдание
Твоя русская песнь пролилась.
И вспорхнув новоявленным облаком
Облетев невеселый мой дом,
Закатилась серебряным отзвуком
В очарованном сердце моем
И поверилось в самое чистое,
Что так редко теперь на земле,
Словно добрая лебедь лучистая
Поддержала меня на крыле.

И я верую снова и ведаю,
Что на родине горестной есть
Несогбенная и не последняя
Непорочная девичья честь.

1989 г.

* * *

Выйду в поле на свежие росы,
Под зарею растроганный весь:
Где вы, русые девичьи косы,
Что меня подбивали на песнь?
Жизнь прошла перевальной тучей,
Все смывая дождем на пути.
И теперь, когда выдался случай,
Этих кос, этих глаз не найти.
Дует спереди, сбоку толкает,
Что то зыбкое жметя в тылу.
Милый друг, как тебя не хватает,
Словно доброй колдуньи — селу!
И о прошлом безмерно жалея,
Лгу себе я, с заглядом вперед,
Что меня еще русая фея,
Где то в поле некошениом ждет...

1991 г.

СЧАСТЬЕ

Поманило счастье и пропало,
Радугой блеснуло и дождем.
Где его конец и где начало —
Не достанешь сердцем и умом.
Но и все же в памяти хранится
Его самый заповедный день,

Когда смех счастливой выпускницы
На мою рассыпался сирень.
Как наивно было все и строго:
Для кого себя мы берегли?
Верили, что главная дорога
И любовь — все будет впереди.
Город съел нас, словно землянику,
И на ветер души отрыгнул.
Затерялась в общежитьи Зинка,
Я ушел в бессмысленный загул.
Что от счастья прошлого осталось?
Снилась мне в похмельном забытии
Зинкина сиреневая радость,
Что в помине ныне не найти!

1989 г.

* * *

Глаза твои немые и безучастны,
Ты не поддержишь моего огня.
Что ты считаешь издавна за счастье,
То стало пыткой жизни для меня.
Так что нам ждать у общего порога?
Рожать детей, которых ждет беда?
Я уйду с оглядкой на Бога,
Я уйду, ты слышишь,
Навсегда!

1980 г.

* * *

От села к селу мела
Резвая метелица,
Белогрива и смела
Января сестреница.

Я не думал, не гадал,
На судьбу не сетовал,
Только Новый Год застал
Меня в поле ветренном.
От веселья вдалеке,
Со своей неволею,
Шел к вокзалу налегке
По чужому полю я.
Улетели в старый год
Мысли свирестелями,
Вышло все наоборот,
Как с тобой хотели мы.
И не этой ли тропой,
Вьюгой заметенной,
Я хотел уйти с тобой,
Сильный и уверенный.
Но, видать, не господин
Я своим желанием.
Ты с другим. А я один..
На пути к страданиям.

1978 г.

ОДИНОЧЕСТВО

Какой ветер!
Суровый сегодня ветер!
Катит с неба холодную
Снега волну.
Оборвал провода,
Вечерует деревня без света,
Как забытый корабль,
Замерла на морозном молу.
В первый раз проклиною
Стихии жуть.

Вспоминаются детство опять
И отрочество.
И так давит,
Так жмет беспощадно в грудь,
Оголившее нервы свои
Одиночество.
В эту жуть хорошо
С молодой женой,
Под надрывистый, хриплый
Стихии рокот.
Озарив угол спальни
Крещенской свечей,
Почитать..
Александра Блока.
Только где она? Где?
Молодая жена?
Плод мечты моей
Рано развенчанный,
Может, с кем и читает
Сейчас она
О поющей на клиросе
Девочке!
Глухо замер корабль мой
На вьюжной земле.
Не поможет ему
Заклинанье хоральное.
Где ты,
Женщина на корабле,
С голубыми глазами
Страдальными?
Где блуждает святое
Живое лицо?
Время смыло в пучину
Прекрасную Даму..

Поверну на калитке
Стальное кольцо,
Выйду в ночь
К ущербленному Храму.

с. Можайское. 1979 г.

* * *

Глубина молчаливая глаз
И души потаенная песня!
Встретил вас я не в радостный час,
А не встретил бы, милая, если?
Ах, черемуха, горе-беда!
Обломал тебя грубый прохожий.
И цветы по траве раскидав,
Сгинул сам за веретью дорожной.
И обиду в душе затая,
Ты росла, ни на что не надеясь,
Когда вынесло вихрем меня
Под твою разоренную свежесть.
И мы поняли близкую связь —
Связь отчаянья с грустью болезной.
Так еще одна жизнь родилась
Из сгорающих двух бесполезно.

1978 г.

* * *

Ты меня не спрашивай
Про года минувшие.
От меня вчерашнего
Веет равнодушием.
От меня вчерашнего —
Разочарование.

Ты меня не спрашивай,
Выдержи молчание.
Говори о будущем —
Я его приветствую.
Песнею тоскующей
Реже сердце пестую.
Может, и отпустится
Нам любовь - распутница
Стерпится — полюбится.
Прошлое забудется.

1990 г.

УТРО СВАДЬБЫ

Крадутся сумерки заречными лугами
Чубятся глади августовских вод.
Зароды свежие верблужьими
горбами
За огородом застыт горизонт.
И ни души. Но только воскресенье
Зарей расцветит купол тишины,
Тотчас проснется свадьба на деревне
И заискрятся тещины блины.
И как тогда глазам не подивиться:
Увижу я на утреннем крыльце
Счастливую невесту молодицу
Уже с грустинкой женской на лице.
И заовинный старомодный ветер
Летит, спешит к хозяйке молодой
Смахнуть с лица слезу ее долой,
Чтобы жених довольный не заметил.

д. Мартыновская. август 1991 г.

НЕПОРОЧНАЯ НАСТЯ

На восходе Луна молода, краснолица,
Словно русская девица в чистой

светлице

Перед зеркалом встала, остывает
от бани.

Поднимается грудь от горячих
мечтаний:

Кабы если, да кто... в этот
мартовский вечер

К ней в светелку зашел и остался
навечно.

«Ах, любовь — сладсть и грех —
неразлучные братья..

Да и ты красота — несчастливая
сватья.

Никого не пошлешь под окно на
смотрины.

Для кого я держу пуховые перины?
Есть ли он на земле — дорогой
человече?

Для кого берегу свои губы и плечи?
Скажет всяк: хороша — да к другой
отворотит,

Неужель чистота в наши дни не в
почете?

Тогда есть ли оно, непорочное
счастье?»

Понимаю тебя, ох ты, Настюшка,
Настя!

ноябрь 1991 г.

ВСЕ СБУДЕТСЯ

Мороз не унимается
Под утренней звездой.
Дым прямо поднимается
Над русской избой.
И деревенька стылая
Лежит в седых дымах,
А ты опять, красивая,
Вся в хлопотных делах.
Сходила скоро по воду,
У печки ворожишь,
Чуть наклонивши голову,
Загадочно молчишь.
Посмотришь — сердце светится,
О, как ты молода!
Похожие — невеститься
Сбегают в города.
Но ты не обманулася
В родном селе мечтой.
Хорошая, все сбудется —
Останься лишь такой!

1987 г.

НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ

Я не буду душой напрягаться
И придумывать песню о нас —
Скоро стрелки взойдут на двенадцать
И пробьют ожидаемый час.
Запорошена вьюгой колючей,
Ты за мой переступишь порог.
Сбросишь с кос, распущенно пахучих,
На кровать мою белый платок.
Вздогнут губы в немом ожиданьи.

Ангел северной русской глуши,
Задержи это очарованье —
Моя песнь полилась из души.
Знаю я: в тебе пышут желанья.
Улыбайся — меня не жалея,
Запоздалое сердца сиянье
Над застывшею жизнью моей.
Изведи меня словом и телом.
Обмани, что навеки со мной,
Только б сердце ожившее пело,
Не желая расстаться с тобой.

1988 г.

* * *

Сны неотвязные, бессвязные,
Настоянные на любви.
С такой печалью недосказанной,
Что, Господи, не приведи.
Такому снова обозначиться
В моем налаженном быту..
Смогу ли выстоять и справиться,
Не впасть чтоб снова в маету?!
Зачем тогда, душой настроенный,
Часами думаю о той,
Что разорвала на все стороны
Мой нецелованный покой?
Обрывки чистые и грязные
Смешались в выжатой груди..
Сны неотвязные, бессвязные, —
Что, Господи, не приведи.

1988 г.

ПО ВЫБИТЫМ СЛЕДАМ

Желанья давят грудь
И содрогают сердце.
Как нелегко идти
По выбитым следам
Своею колеей
Назад, чтобы согреться,
К былому очагу,
Где рады еще вам —
Ступлю последний шаг —
Объятия сольются,
И потеряет смысл
Все сущее вокруг.
И кровью свежих мук
Признания прорвутся
У самых дорогих
И ненавистных рук.
Но что же делать мне?
Когда довлеет свыше...
И вольная душа
Опять трещит по швам,
И голос дорогой
Все ближе, ближе слышен
О, боже, рассуди —
И я тебе воздам!

1988 г.

* * *

Такое и раньше бывало,
Но чувствую: нынче всерьез.
Глядишь на меня ты устало,
Как липа, на первый мороз.

Ты многого, верно, не знала.
Да и не узнаешь теперь.
Душа моя долго блуждала
И выбрала прежнюю дверь.
Но лучше б ты так не смотрела —
С крыльца показала рукой!
Но сколько ты в жизни терпела —
Чтоб я пригодился другой.

1981 г.

ПРОЗРЕНИЕ

С тех пор, как ты отвергнула меня,
И от калитки отослала — с богом!
Уже не помню, сколько видел я
Таких, как мы — безумцев на
дороге.
Теперь я полон зрелых, добрых
чувств,
Пришел к тебе, как к избранному
другу,
Но почему твой дом угрюм и пуст
И на глазах отметины недуга?
Видать, и ты до главного дошла:
И не вчера ли ясно осознала,
Что без меня другого не нашла,
Но и меня попутно потеряла.

1988 г.

* * *

Накал душевный к утру отойдет.
Сон усмирит в рассудке раздраженье,
Но говорю тебе я наперед,

Под окладистые образа.
Сколько было смысла в этом жесте:
Не видать мне счастья никогда.
Вы, мои несчастные невесты!
Вы, мои безумные года!
Что искал я в этой жуткой жизни?
Только мучал близких и родных.
Разлетится сердце завтра в брызги—
Кто оплачет и помянет их?

1980 г.

* * *

Невыносимой мысли дым
Затмил мое воображение,
Мне говорили, что с другим
Нашла ты в жизни утешенье.
Какая глупая печаль!
За что так мысленно болею?
Ведь я нисколько не жалею,
Что судный день нас развенчал.
Но все же ты была моей,
Я целовал твои ладони.
И, видно, памяти видней
Забыть тебя или запомнить.

1986 г.

* * *

Любимая, во мне — твоя беда:
Покой души твой девичий наруша,
Ворвался я, как вешняя вода,
На остров твой святого простодушья
Чтоб растопить на нем апрельский
снег

И маю дать широкое цветенье.
Да, я горячий, добрый человек,
Но кипяток для нежной — не
мученье ль?
1980 г.

ПРИЗНАНИЕ

Людской молвой опорочена,
Смотря на поздние цветы,
Непринужденно, озабоченно
Мне исповедуешься ты:
«И как держаться после этого,
Сносить такую, чушь и бред?»
Но что тебе я посоветую,
Сам возведенный из легенд?
Довольна ты. К тебе не лезу я,
Я слушаю, и я молчу.
Разгоряченная и трезвая,
Тебя совсем я не хочу.
Но потянусь — ты не откажешься.
Тобою правят Бог и Бес,
И самому порой мне кажется —
Во мне от Черта что-то есть!
1980 г.

РАССТАВАНИЕ

«Все пройдет, и былое забудем, —
Говоришь, и не дернется бровь. —
И ни ты, и ни я не осудим
Уходящую нашу любовь».
В предосеннем закатном покое,
Будто впрямь сожаления нет,

Ты меня отстраняешь рукою
И уходишь к другому в рассвет.
Ну, а там, в дождевом отдалении,
Где лохматится чащ головы,
Над твоим скороспелым решеньем
Однозначно хохочет сова.

1981 г.

* * *

Солнце в речку с небес опрокинется.
Тишина на пустых берегах.
Загрустила деревня-кормилица
О пропавших своих дочерях.
Загрустила — ни слуха, ни

весточки —

Материнское сердце болит:
«Кто сманил вас, родные невестушки,
Испытать свою долю в дали?
Скоро с армии парни воротятся,
До родимой земли припадут,
Матерям низко в пояс поклонятся —
Да желанных подруг не найдут...

1988 г.

* * *

Тебе дома сегодня не спится.
За окошком давно рассвело.
Разве думала так возвратиться
Ты болезненно снова в село!
Что ты знала? Леса, сенокосы,
Птиц свободных высокий полет.
Так о чем же тебе, светлокосой,

Рассказать мог железный завод?
В суете городских общежитий
Ты диковинной птахой жила.
В ожидании сердечных открытий,—
Только что же открыть ты смогла?
И родные леса, и покосы,
Птичий гвалт предзакатной порой—
Полыхали в тебе светлокосой
Первозданной своей красотой.

1986 г.

* * *

Утро раннее, раннее
На родной стороне.
Загадай мне желание
И постой в тишине.
Я глаза твои тайные
Постараюсь понять.
Наша искренность давняя
Воротилась опять.
Ты желала мне нежности
И, куда б ни пошел, —
Как залог человечности —
Жить мечтою большой.
Я желал тебе радости,
Еще пуще любви,
Как снадобье от старости —
Многодетной семьи.
Душу странствиям выложив,
Я немало страдал,
Знал обман не единожды,
Но жестоким не стал.
Ты достигла немалого..

Что же мне пожелать?
Знаю, милая, — заново
Надо все начинать!

1978 г.

ЦВЕТОК ЗВЕРОБОЯ

Цветок зверобоя медов и бедов,
Я чую его, не сорвав,
Лежу в колыбели июльских лугов,
И кругом идет голова.
Припоминается тот сенокос,
Когда я здесь был не один.
В себе эту память я свято донес
До нынешних грустных седин.
...Куда ее смотрят большие глаза,
В которых легко утонуть?
«Люблю», — я, пьянея от звука,
сказал.

Она отрезвила: «Забудь...»
Цветок зверобоя медов и бедов,
Да вкус лебеды на губах!
Была безответной когда-то любовь,
Теперь безответна судьба!

1990 г.

* * *

Я снами теплыми живу,
Воспоминаниями греюсь,
Еще найти тебя надеюсь,
Чтоб объясниться наяву:
Напрасно парковым цветам
Запели песню луговые
Цветы, цветочки голубые —
Не веселиться вместе нам,

Любовь к ромашковым полям
С холеной клумбой не сроднится:
Я здесь живу. Ты блещешь там.
Сойтись — все снова повторится.
Но если встречу вдруг тебя —
Скажу, исправленный душою,
Что не тобой оставлен я
И ты оставлена не мною!

1987 г.

* * *

Мне у рябин твоих не зимовать. —
Пока речные теплятся излучки
И листопада льется благодать —
Я ухожу за горизонт разлуки.
Ты не маши мне тонкою рукой,
Скрывая плач прощальный на
причале.

Я на поверку вышел не такой —
Каким тебе привиделся в начале.
Я рад бы свою муку разорвать,
Не уходить в рассудочные дебри,
Но нужно мне в дорогах пропадать,
Чтоб оправдать свой сумасшедший
жребий.

С кем завтра Божьей крови
пригублю?
С кем поделюсь в нужде Христовым
телом!

Я всех крещенных истинно люблю
И призываю в муках делать дело.
И потому не требуй от меня
Того, чему судьбою не научен, —
Я у другого вырастал огня,
Молясь костру и буре неминучей.

1990 г.

КАЛИНА ГОРЬКАЯ

На первый хрупкий приморозок
Упал с березы желтый лист,
Но куст калины так же розов
И чуть с мороза серебрист.
Пойдешь, прохожий, по мосточкам,
У той калины задержишься.
До кисти выстраданно - сочной
Губами нежно прикоснешься.
Прижаться к горькой сиротине —
Не сладку ягоду вкусить,
Но если выпало калине
Такую долю проносить.
Уж не до сладкого томленья —
Была б согретою душа.
И ты, быть может, гость последний,
Тебе судьбу ее решать.
Остановись! Твой зыбкий волок
Тебя к добру не приведет.
Пусть поцелуй калины горек —
Он от угара сбережет.

1989 г.

ЮНОМУ ДРУГУ

Всю ночь поют в поселке соловьи,
Купаясь в майской зелени аллеи.
Очнись, дружок, — и Бога не гневи,
Взгляни на эту жизнь повеселее.
Глаза свои к рассвету оберни
И не грусти о том, что не случилось.
Уныние — безумию сродни,

Твое лишь чувство только
зародилось.
О том всю ночь вещали соловьи.
И пусть твоя любовь не состоялась,
Но родина.. но родина осталась!
Все девушки еще будут твои!
Коль воздух чист и ясна бирюза —
Такие виды не рожают хилых.
Ах, сколько нынче статных и
красивых
Девчонок — разбегаются глаза.
Ну как тут не залиться соловью!
И ты понять, родимый, постарайся:
Ищи себя, ищи любовь свою
В родном краю и с ней не расставайся
1993 г.

Н. ФОКИН.
(1988 год.)

НАПРЯЖЕННАЯ ЗВЕЗДА

НОВОГОДНЕЕ

Глубокий сон закованной реки,
Переметенный гребень ледостава,
Откуда взгляд на Сухону ни кинь—
Повсюду блеск картины величавой!
О ком в глуши скорбит моя душа?
Дозорит взор кого на побережье?
И остывают думы не спеша
От суеты и говорильни прежней.
Кого дозору — скоро не придет.
О ком скорблю — того на свете нету.
Еще один метельный Новый год
Припорошил безумную планету.
И только здесь, в российской глубине,
Еще хранится видимость покоя.
Трудясь и маясь в этой стороне,
Я ощущаю: что это такое!

1990 г.

ОЗЯБШИЕ ИВЫ

Снежного ветра порывы
С воплями ломаются в дом.
Гнутся озябшие ивы
Под заметенным окном.
Бьются упругие прутья
В запорошенный порог..
Кто там мелькнул на распутье
У занесенных дорог?
«Приподнимись, Катерина,» —
Дед поправляет постель —
«Может пропавшего сына

Нам подмахнула метель?
Дай поверну тебя на бок..
Разве не чует Семен..»
Настороженно и слабо
В дверь постучал.. почтальон.
«Пенсия вот Катерине».
Дед безутешно глядит:
«Весточку б лучше от сына
Ты ей принес, Ипполит».

1980 г.

ДОРОЖНЫМ СТРОИТЕЛЯМ

Отмеряя рейсы раз за разом
Шофера газуют целый день,
Оглушая ревом безотказным
Перспективу малых деревень.
Отгоняя от души тревогу,
Любо им лететь по зимняку,
Засыпая в старую дорогу
Тонны груза — шлаку и песку.
Дрожь идет от стройки грандиозной!
Выстелят асфальт — от сель до сель!
Спохватились, милаые, —не поздно ль
Устилать покойнику постель?
Да простят мне это настроенье —
Я ревнитель русского села,
Но еще, еще одна деревня
У дороги нынче умерла.
И зачем спешат с^юда машины,
Загоняя газ и гарь в сугроб,
Когда для покойницы Фаины
Некому свезти к погосту гроб?

1989 г.

В глаза крестовые барака
Летит косой колючий снег.
На берегу реки во мраке
Стоит угрюмый человек,
Жизнь повернулась дико, круто:
Теперь, наверно, навсегда
В глухой делянке лесопункта
Его закатится звезда.
И все его земные муки,
И жертвы убиенной тень —
К нему протягивают руки:
«Молись, настал твой судный день!»
И долгожданная свобода
Ему, как мерзлая петля.
Шумит шальная непогода,
Лютует ссыльная земля.
Одна минута роковая —
И жизнь безлика за ней,
А вьюга плачет, завывая,
Шипит и стонет: «Не убей..»

1987 г.

В ПРЕДЗИМЬИ

Осенний туман над рекою
Подвижен, как дым от костра.
Душа, привыкая к покою,
Стремится в безлюдье с утра.
Где темной проточной излучкой
Подчеркнут остуженный лес.
И веет болотную скукой
От выбранных ягодных мест.

Лишь вертоголовая сойка
Стрекошет на хилой сосне,
В ней жизни и бодрости столько —
Хватило б в деревне на всех.
Трещит беспечальное племя.
И верно, не ведомо ей,
Что я в настоящее время
Не вижу веселых людей.
Все чаще в озлобленных лицах
Читаю неверия грусть.
И думая: что-то случится —
Подумать о худшем боюсь.
Что будет там не за горами
В тревожном кольце глухоты —
Не с добрыми птицами — с нами,
Парящими без теплоты?
И трогаю сердце рукою —
Да есть ли оно у меня?
Осенний туман над рекою.
Дождливые сумерки дня.

1991 г.

НА БОЛОТЕ

Меня в лесу осеннем окрутило,
Не оттого, что я его не знал,
А просто разум разом помутило,
И я тропу с болота потерял.
Зачем пришел я к дальнему болоту,
Когда грибов мог ближе наломать,
Но поманило, потянуло что-то,
И я не смог соблазну отказать.
И оказался в хлюпком чернолесьи,
В непроходящем муторном дожде.

Березы, ветви чахлые развесив,
Стояли в темной илистой воде.
Казалось, все на свете водяные
Из под коряг подмигивали мне.
Я, знавший леса пропасти глухие,—
Сам оказался в жуткой западне.
Но я не стал метаться по болоту, —
Напрасный труд расстроенной
души, —

И чтоб отбить у лешего охоту —
Перекрестил^ся в колдовской глуши.
И поспешил из этого застоя
Через кочкарник зыбкий напрямик,
Корзиною скрипя полупустою,
Пока тропы заветной не достиг.
И выходя на светлую дорогу,
Я собирал последние грибы
И говорил радея: «Слава Богу,
Что ты меня в напасти не забыл!»

1991 г.

* * *

В осенней хмари прожитого дня
Тропинкою привязана к порогу,
Глядит весь вечер строго на меня
Проселочная старая дорога.
Листвы угомонившийся сумет
По садику с утра развеял ветер.
Никто ко мне сегодня не придет.
Сегодня я один на целом свете.
Осателели легкие друзья!
А лучшие давно уже далече.
И только этот деревенский вечер

Сегодня мне защитник и судья.
Так легче мне в бревенчатой избе
Срывать с себя случайные личины,
Давая новый ход своей судьбе,
Когда тропа до цели различима.

1990 г.

В ЗАБРОШЕННОМ ДОМЕ

Чернея полыми глазами,
Утратив очи не вчера,
Вся девятнадцатью венцами
Изба отходит от двора.
Сквозь рану рваную разлома
Струится в сени лунный свет.
Шуршит в подскотнике солома,
Которой, бог весть, сколько лет!
Здесь пахнет плесенью и пылью,
Зловонной сыростью, грибком.
И веет горестною былью
От заржавелых сундуков.
От глинобитной русской печи
Летит побелки скорлупа.
Зачем я здесь в ноябрьский вечер
Сижусь к столешнице припав?
Смотрю в узорный глаз солонки.
И чей, не знаю даже дом.
Сижу, как призрак одинокий
С воспоминаньем ни о ком!

1990 г.

* * *

Укради, судьба, удачу,
Только песню не бери.
Об удаче не заплачу,
А без песни — хоть реви.
С песней русской народной
Дружит грустная душа.
В час печали безысходной
Запеваем неспеша.
О чужбине, о рябине
Дальше — только намекни:
И встают за песней дивной
Наши прожитые дни.
Что то было, что то будет,
Что то к тайне прилегло.
Песня русская рассудит
Где туманно, где светло.
Вот пропели, прослезились:
«И чего теперь тужить!»
Будто заново родились
И сказали: «Надо жить!»

1986 г.

* * *

О, доля вольная моя!
Вперед, не ведая испуга,
Ведешь к разгадке бытия
Меня из прошлого недуга.
Да, сладок этой жизни миг,
Что мне доверчиво открылся.
В греху я белый свет постиг
И во греху переродился.
Иду по жизни — не богат.

Со всеми здравствую и маюсь.
До перемен житейских рад,
По детски миру удивляюсь.
Какое счастье: по земле
Пройти открытым и свободным.
Пред тленом страх преодолев,
И умереть непосрамленным.

1987 г.

* * *

Закидала кистями черемух
Гряды резвомайская гроза.
И ушла к селению другому,
Ветренно волнуясь и грозя.
Этот знак черемухопаденья
Принял я, как дар моим рукам,
Что с утра до вечера с раденьем
Припадали к жестким черенкам.
Не от воли рабской принужденья,
Не от зова горького земли —
Припадали с чувством пробужденья
Родовой крестьянской колеи.
Да свершится светлое на Свете!
Да вернется все на круги.. вновь!..
От земли отвергнутые дети,
Нас хранит Всевышнего Любовь!

1985 г.

* * *

Бородатый вальщик,
Не изведав горя
Молодую вербу

Подкосил под корень.
Он валил направо,
И валил налево.
В вековую чашу
Пробивался смело.
А она лежала,
Вмятая в валежник,
Заслонив собою
Голубой подснежник.

1977 г.

* * *

Меня учить не надо,
Как родину любить,
Цветы какого сада
Любя, боготворить,
Какую пить водицу,
Какую славить даль.
Я — меченая птица.
Ясна — моя печаль:
Над вешним половодьем
Лечу — куда хочу.
И радуясь свободе
О доме хлопочу.

1981 г.

НАПРЯЖЕННАЯ ЗВЕЗДА

Живу в потрясенном районном покое,
Хожу по земле, не балован судьбой,
Но, Господи, что это с телом такое:
Хожу и не чую земли под собой!
На пустошах сельских, на вырубках
леса.

На пашнях заросших, — и в дождь
и в жару.
Не чую в себе человеческого веса,
Как будто не завтра — сегодня умру.
И сердце заходится в горестном дыме,
Как будто, по вещему знаку извне,
Я должен ответить за все, что
другими
С лихвой изведено в родной стороне.
И солнце — не солнце! И ветер —
не ветер!..
Все чаще смотрю я часами туда,
Где всходит в закатном космическом
свете
Моя напряженная жизни звезда!
1990 г.

СЕРДЦУ ПОЭТА

Будем ли думать о смерти,
Сердце — капризный ребенок?
Встанем под хрупкие ветви
Заиндевельных березок.
Мыслить ли нам о загробном?
Мы не такое видали!
В мире завистливо - злобном
Трудно прожить без печали.
Трудно прожить среди хамов,
Не уколов свою нежность.
Это великая драма,
Право когда у невежды!
Но разве нам не досталась
Эта счастливая лира,

Людам несущая радость,
Людам, желающим мира?

д. Брусная. 1988 г.

* * *

.. не прошу подачки у вождей.
Порой сижу без чая и без хлеба.
И все ж, и все ж на родине моей
Еще такое голубое небо!
Что сыт я русской чистой синевой,
Грозою сыт, туманом и цветами,
И над моей бедовой головой
Разводит бор сосновыми руками.
Стихи мои — лесные журавли,
Летите вы невольно — произвольно,
Я вами плачу на краю земли,
Которой так сегодня стало больно.
Все в смуте так с бедой переплелось,
Что боль земли от нас неотделима.
На близких мы свою срываем

злость—

И раним землю злом необратимо.
И отвечает громом нам земля!
И нами правит дикая стихия.
Зло — это тоже бомба бытия,
И с этой бомбой шуточки плохие.

1991 г.

* * *

Проходят дни — меняет век личину.
Перегорев в числе бессчетном дел,
Я превратился в зрелого мужчину,
Но постарев — ничуть не поумнел.

И Библию перелистав глазами,
Я понял приблизительно одно:
Что все, что происходит между нами,
Предвидено, предсказано давно.
Что тщетны наши добрые потуги —
Мир глубоко увяз в людское зло,
Что ходим мы по замкнутому кругу
И молимся, чтоб грешным повезло.
Как дальше жить? Не вижу и не
знаю

И лишь природы милые черты
Меня еще влекут к родному маю,
Где правят сердцем птицы и цветы!
1992 г.

А. Чежину.

ЗАДУМАЕШЬСЯ!

Берут комбайны на бруснику,
А я щепоткой — в кузовок
Срываю ягоду — привык я
Щадить зеленый уголок.
Ах, кочка — мать. Отец — пенечек,
Я подобру иду сюда,
Когда другие спят и точат
Свои орудия труда.
Боюсь, что вытянут по жиле
Из вас здоровье и красу.
И что летами вы копили —
Они за лето разнесут.
И так, с годами дальше, больше
Копаем, топчем и берем.
И так с годами глуше, тоньше,
Хилее наш зеленый дом.
Задумаешься глубже, горше,

Что больше ягод не возьмешь.
И уж из леса в день хороший
Совсем расстроенный идешь!

1990 г.

* * *

Когда б не мучала забота:
Что завтра есть,
Как завтра быть?
Ушел б за дальние болота
В леса архангельские жить.
Сидел б себе
У древней кочки
Бруснику алую жевал
И не о сыне,
Не о дочке,
Не о жене б не тосковал.
Но сын и дочь
Живут раздельно
Да и жена уж — не жена.
И сердце гложет неподдельно
Непроходящая вина,
Жизнь человеческая — мука,
Когда залезешь к ней
В долги:
Шипит и жалит,
Как гадюка.
Мои б заботы вам —
Враги!..

1988 г.

* * *

Зайду в реку
И встану на колени

На середине
Тихоструйных вод
И прошепчу,
Слабей от волнения:
«Река моя,
Храни тебя Господь!»
Еще вчера,
Не помяная Бога
Катилась твоя к устью
Глубина.
Перебирая бревна
На порогах,
Весенним сплавом
Не утомлена.
Теперь ни рыбы,
Ни воды, ни леса!
Все на виду —
И будто все в бреду.
Я жалкий раб
Бездумного прогресса
Чего еще
От будущего жду?!

1990 г.

ПО СУХОНЕ · РЕКЕ

Избушка на высоком берегу,
Под берегом дощатая лодчонка.
Да катер беспризорный на боку, —
Забытая российская сторонка..
Отчалил быстроходный теплоход
От берега... и полная печали
В неведеньи душа моя замрет
Перед лицом осиротевшей дали.

И долго будет нудная «Заря»
Нести меня под солнышком горячим,
Наполненная грустным детским
плачем,
С фарватером о чем-то говоря.
И долго буду сердцем ощущать
Я те глаза избушки захирелой,
Что не смогла хозяев удержать
И без тепла людского омертвела.
И как в осенний вечер октября,
Почувствую озноб в себе собачий...
Куда летишь, железная «Заря»,
Не замечая грусти в детском плаче?
1989 г.

ЗЕМНАЯ БОЛЬ

Как ни взывай к суглинной пашне—
От пашни больше не возьмешь,
Пока в округе бедной нашей
Хозяев к пашне не вернешь.
Стою ль с поникшей головою
Над худосочным ячменем,
Иду ль широкою тропкою
Невыразимо низким льном —
Земная боль пронзает тело,
И сердце корчится от мук,
Как будто сам я это дело
Преступно выпустил из рук.
Кого винить? И с кем бороться?
Чтоб отодвинулась беда?
Давно уж мы под ясным солнцем
Дорогу держим не туда.
Открой глаза, земли — хозяин!

Встряхнись, Микула - удалец,
Чтоб слово русское — крестьянин
Живым запахло — наконец!

1988 г.

БОБЫЛЬ

Все в жизни может приключиться,
На то, рискуя, и живем,
Но, упаси господь, родиться
На этом свете бобылем.
Который век живет, желая
Себе для счастья одного,
Чтобы душа его глухая
Не задевала никого.
И чтоб ее не задевали,
А власть? Ему любая власть!
Исполнит все, что б ни сказали—
И отоспится после всласть.
Его закон — покой в квартире.
Его мечта — здоровый сон.
Но подойдет и в этом мире
Час неизбежных похорон,
Когда узнают: он скончался,
Придут по-русски помянуть,
Но кем он был? Чем занимался?
Что завещал кому-нибудь?
Пожмут плечами молча люди,
Не сложишь сказ из ничего
И на девятый день забудут,
Как будто не было его!

1989 г.

* * *

Мне нелегко, порою тошно, родина!
Переболев признание свое,
Нести по свету правду, неугодную
Чиновникам — плюющим на нее.
Лишь разве взгляд колхозницы

Старушки

Что тьму таких господ пережила,
Согреет меня чутким добродушьем,
Когда сойдемся.. спросит: «Как
дела?»

Что мне ответить сердцу дорогому?
Она давно не верит ни во что,
Но мне накажет с толком как
родному

«Тебе б корову, да овеч пяток!

Жить в передрыге легче со

скотиной —

Все остальное в жизни суета..»
О если б знать ей, говорунье милой,
Как по душе мне эта правота.
Что глядя в лица постных

бюрократов

Замордовавших Русь до падежа,
Мне хочется уйти в загон к телятам
К груди скотинку добрую прижать.

д. Мартыновская. 1990 г

ПОД МАТИЦЕЙ

Мне не заснуть под наговор дождя
Под тяжело нависшей в доме
матицей

С железом ржавым склоку заведя,
На крыше ветер сильный убивается.
Бессонницу тому не обуздать —
Кто болен совестью неизлечимую:
Подумать только — здесь когда-то
мать

Качала свое дитяtko родимое!
Все реже он бывает здесь теперь
И пылкие его благонамеренья,
Что он починит крышу, вправит
дверь —

Заглядывают в завтра неуверенно.
Чтоб дальше жить — избе нужен
ремонт.

Но чем разжечь в хозяине заботу,
Когда не помня плотницких работ,
Себя он отдал с юности заводу.
Избу продаст он завтра на дрова,
Не без души оплачет память рода.
И на глазах у русского народа
Уйдет в туман, притвор поцеловав.
1989 г.

* * *

Чайки рвутся к пашням —
Корм на полосе.
Стала речка наша
Бедною совсем.
Не играет в плесах
Резвая плотва,
Уклея не жметса
Стайкой у моста.
На воде мазута

ФОКИН ХУТОР

Брожу по пустоши районной,
Вдыхая запахи хвои,
Ищу с надеждой потаенной
Истоки кровные свои.
Ах, где ты, отче — фокин хутор?
За Янгосарем тишина.
В такую грустную минуту
Сиротство чувствуешь сполна.
А где-то здесь, за чистым плесом,
Когда-то стоящей реки,
Древесный терем, крытый тесом
Стоял, не ведая тоски.
О, кем вы были? Чем вы стали?
Вы, прародители мои,
Что в лихолетье потеряли
Наделы кровные свои.
И я, не избалован роком,
Имея в прошлом отчий дом,
Теперь живу в краю далеком —
Непринужденным примаком.

1990 г.

* * *

Желал ли себе
Я болячку такую:
Умом негодую,
А сердцем скорблю
На эту... за эту
Деревню родную,
Которую с возрастом
Больше люблю.

Но эта холодность!
Но эта безлюдность!
Когда у колодцев
Со скрипом цепей
Срывается с уст
Стариковская скупость:
«Теперь бы одно —
Умереть поскорей...»

1991 г.

ВЕРБА

За дедом следом умерла старуха.
И воцарилаcь в доме пустота.
И лишь у окон, ослепленных глухо,
Стоит, рыдает верба-сирота.
Тому, кто слез чужих не понимает—
Той вербы горе трудно различить.
Послушайте, как дерево страдает —
Деревья тоже могут говорить.
Роняет верба горестные слезы,
Дощатые скребет избе глаза
И полыхают троицкие грозы
В оставленные дома образа.

1988 г.

Ю. Лепингу

* * *

Июльский дождь сечет мое окно,
Поточной влагой сумерки прибиты.
Иссяк табак, закончилось вино.
И со стены глядит Христос сердито.
Покоя просят тело и душа,
Но нам покой, известно дело, —
снится!

А звон бессонницы рассыпался в
ушах
И над мозгами вялыми глумится.
И вдруг звонок: «Не спишь, поэт?»
«Не сплю».
«Вот и меня раздумья одолели.
Я так дожди средь лета не люблю».
«И мне не спится в сеножной в
постели!
Тогда давай по малой! Заодно
Под утро хмелем разбередим ведро»
Гость достает махорку и вино,
И ночь проходит за беседой бодрой..
В окошко брезжит вымытый рассвет.
Иссяк табак. Закончилось спиртное.
Уходит гость: «Не мучайся, поэт,
Все в этой пошлой жизни проходное!»
1991 г.

В ДЕРЕВУШКЕ НОРОВО

В деревушке Норово
Жили люди с норовом.
Деревушка на горе
Просыпалась на заре
Избами лучистыми
Над рекою быстрою.
Взглянешь вдаль под небеса:
Красота и чудеса.
И в один из этих дней
Удавился парень в ней.
Ранее из Норова
Переехал в город он.
Да прижиться там не смог —

Звал назад родной порог
Посидеть на крутизне
В перевозданной тишине.
То и делал он года,
Что ходил туда — сюда.
Ни влюбиться,
Ни жениться
Он в смятении не смог.
Все манил родной порог
В деревушку Норово
Паренька из города.
А вокруг молва и вздор:
Мол не женится — позор!
Закружилась голова,
Помутилась синева.
Счастья нет!
Удачи тоже.
Пропадай, полынь-трава!
Об удавке в Норове
Будут помнить в городе.

1991 г.

* * *

О, эти окна изб убогих,
Глядящие из под кокор,
Что зазывают вас с дороги
На откровенный разговор.
Заходишь в избу, как в могилу,
Где доживает чья-то мать.
Старушка руки опустила,
Глядит, а взгляда не видать.
«Опять осенняя распута,
Метелям скоро завывать.

И стариковского приюта
Теперь уже не миновать.
Ах, если б рядом были дети —
А жить вовек не надоест, —
Да вот сказали в сельсовете,
Что в богадельне нету мест..»

1988 г.

СЕЗОН ДОЖДЕЙ

С утра встает он хмурый и разбитый
И не спешит к машине комбайнер.
Который день назойливо, сердито
Стучат дожди в заглушенный мотор.
Сезон, лишенный всякого покоя —
Любому горю родины — сродни.
Рожь полегла — не выправишь
рукою.

Повсюду хлеб — куда ни погляди.
Такое это чувство непростое:
Носить вину под сердцем без вины.
И эти дни тяжелого простоя
Добавят хлеборобу седины.

1988 г.

* * *

Жизнь моя, куда я столько шел?
На кого себя я распылял?
Душу незакрытую, как дол
На ветра шальные подставлял.
Впереди октябрьский листопад,
Позади июльский суховей.
А сегодня вещей звездопад
Просиял над родиной моей.
Не моя ль заветная звезда

Закатилась в поле, под зород?
Стойте, сумасшедшие года
Задержите вихренный полет!
Нужно что-то важное сказать!
Надо что-то главное успеть.
Чтоб свое рожденье оправдать,
Поглядев с улыбкою на смерть.
Против всех соблазнов и преград
На теченьи выдержать весло,
Пока главный в жизни пережат
Ледяной шугой не занесло.

1991 г.

* * *

Длинные часы осеннего рассвета,
Недолгий миг расsvеченного дня,
Все дальше крик отчалившего лета,
Все ближе вьюг холодная возня.
Я жду зимы. И радуюсь рассвету.
Брожу по лесу — поздний доброхот—
И проверяю древние приметы,
На будущий загадывая год.
И понимаю с занываньем в сердце,
Что стали мои годы коротки:
Едва весной успеешь отогреться —
Уже летят под ноги лепестки.
А жизнь — увы! — становится не
лучше,
Все больше дров наломано в лесу,
И тайный страх охватывает душу,
Что я к Христу себя не донесу.
Что в хлипкий час осеннего рассвета
Я навсегда в безмолвьи растворюсь,
Что боль и грусть российского поэта
Не поняла, не услыжала Русь.

1992 г.

**ВСТАВАЙ,
Погостная Россия!**

В ГЛУШИ

Грустны осенние избушки,
Сера октябрьская пора,
Но в час кручины малодушной
Меня не тянет со двора.
Уехать в город суетливый,
Туда — на Вологду реку,
Где с братией неисправимой
Лечил я в рюмочных тоску,
За что милиции почтенной
Бог знает, сколько задолжал,
Когда разбитый и смиренный
На койке связанный лежал.
Не думал я, что эту муку
В таежной ссылке залечу,
С любимым городом разлуку
Служить рассудку научу.
Где будут сердцу долго сниться
Ночами, под ветрила вой,
Мне строгой женщины ресницы,
Что долго мучилась со мной.
Теперь я трезв. И счастлив тоже,
Когда дорога мне ясна,
И шорох осени дороже,
Чем громкогорлая весна.
И я нисколько не пугаюсь
В глуши однажды умереть,
Лишь только здесь, греша и каюсь
Еще возможно уцелеть.

1992 г.

СЫНУ

На осени холодный листоцвет
Опять твои глаза устремлены.
Скажи, сынок, ужели в мире нет
Призывней этой мокрой тишины?
А что же я? Раздвину эту тишь..
И вздрогну, одиночеством томим.
О, если б тебя не было, малыш,
То был бы я судьбой еще храним?
Лишь замаячит в отдалении грех,
Оскаленный, с удавкой роковой —
Мне сердце простучит: «Ты не из
тех...

Смотри, пострел голубоглазый твой
Бежит к тебе, понять его сумей!
Осенний ветер отведи рукой.
Зажги в нем веру светлую в людей,
Обереги его и успокой!»

1989 г.

ОСЕНЬ

Беру со мха последнюю бруснику,
Ломаю в чаще поздние грибы.
И чувствую в пространстве
невеликом
Вокруг себя присутствие беды.
Из леса выйдешь — на полях болото.
Из липкой хляби поднимают лен.
И будто эту высмотрев работу,
Кричит над мокрой стерней воронье.
Дымится в скирдах обреченный
клевер,

Я встречаю Николу свою.
Неужели не позже, как завтра,
Заступлю я за мрачный рубеж?
Мои милые сестры и братья,
Осыпается время надежд!
Сорок лет, словно сорок черемух,
Облетели в цветущей крови.
Позади ожиданья любви —
Время вздрогнуть и жить по другому
Никуда от судьбины не деться.
И пора, посмотрев на нее,
С неиссякнувшей правдою в сердце
Примирить назначенье свое.
Удручаться особо не надо.
Жизнь моя, бережены добром,
Жили малым мы, сыты и рады,
Хоть мечтали порой о большом.
Сорок лет, словно сорок черемух!
Сколько Бог нам еще одолжил
Если б прожил я жизнь по другому—
Я сегодня, наверно, не жил.

14 мая 1993 г.

* * *

Пока не станешь сам отцом, —
Не рассуждай о детях.
Каким бы ни был мудрецом
Все видящим на свете.
Пока не взял свое дите
В дрожащие ладони
И сердце крепкое твое
Не расступилось больно
Впуская новый крик в себя,

И новые волнения..
Жизнь начинается с нуля,
А значит с обновленья...

1990 г.

ОТВЕТ ОТЦУ

Я получил письмо твое, отец!
Возможно ли в подобное поверить:
К неведомому чувству, наконец,
Передо мною отворились двери.
Но что ответить, отче дорогой,
Тебе на это позднее признание:
Как выжил я? И чем сейчас живой?
Чтобы тебя не мучить при свиданьи.
Ответ не будет верным ни один, —
Коль не пролить на них мои

страданья:

Как поживал на свете сукин сын,
Которого зачали на скитанья.
Когда тебе отведу без вранья, —
Я не твою ли высвечу дорогу.
И потому не спрашивай меня:
Какому я вчера молился Богу?
Когда объездив грешную страну,
Не в силах волчью вытравить

натуру,

Я зачеркнул удачу не одну,
И не одну обезнадежил дуру.
Давно я волчье вытравил в себе —
Но за грехи мне стало жить не легче.
И на вопрос, приеду ли к тебе,
Отвечу так: «Пока еще не вечер!..»

1991 г.

* * *

Обойду с любовью отчий дом.
Сколько проводил он к Богу нас!
И хоть в это верится с трудом —
Он грядет, неотвратимый час.
Знаю: завтра встану на заре,
Посмотрю на сжатые поля,
На полвека сразу постарев
И заплачу, прошлое любя.
Так устроен русский человек,
Находясь у жизни на краю —
Как бы ни был труден его век —
Не унизит он судьбу свою.
Спотыкаясь, падая в крови
Говорил себе я: «Надо жить!
Если мир настоян на любви —
Значит надо жизнью дорожить!»
Обойду с любовью отчий дом.
Сколько в нем родилось пылких нас!
И опять пойду своим путем,
Посчитав за счастье каждый час .

1988 г.

* * *

Ах, жизнь — пора медовая.
Хоть не живали всласть —
Краса твоя бедовая
В морщинах улеглась.
Сложили, подытожили,
Пересмотрели «жись»
И хорошо не пожили,
И плохо нажились.

Но все ж, пора закатная,
Красна тебе цена:
Здоровыми внучатами
Изба озарена
В гулянке ли, в работе ли, —
За ними завтра власть,
За все, что мы не допили
И не доели всласть.

1988 г.

ПАМЯТИ МАТЕРИ

В тиши аллея запущенного сада,
Где попирает стройность бурелом,
Старинных лип медовая прохлада
Мне разжигает думы о былом.
И слезы сами подступают к горлу,
Как будто в этом есть моя вина:
Когда-то здесь в такую точно пору
Легко ему доверилась она.
Костер бывшего неиспепеленный,
Дотронешься — затеплится сильней.
И голос жизни нежный, отдаленный
Все ощутимей в сердце и больней.
Каким тогда дурманом пахло с поля?
О чем свистел полночный соловей, —
Что вскоре крик мой радостный до
боли —
Стал горькой долей матери моей.
Людское жало злого пересуда,
Измену можно в теле задушить.
Но никогда бы не рождалось чудо,
Когда б боялась женщина грешить.
И я опять твержу себе упрямо:

«Я выстою; я делом докажу,
Спасибо, мама, дорогая мама,
За то, что я по свету прохожу».

1988 г.

С УТРА ПОРАНЫШЕ

О жизни грезя настоящей,
С утра расстроенный встаю,
Включаю молча серый ящик —
Страны своей не узнаю.
И хорошо еще не в красках
И эта грязь, и эта кровь,
Живу, как в старой русской сказке:
Чем дальше в лес —
Тем больше дров!
И надо снова на дорогу
С утра пораньше выходить.
Дал Бог терпенья — слава Богу —
Еще трудиться и творить.
И знаю: выйду лишь из дома
В апреля утреннюю звень —
Ольха — цыганка в полудреме
Мне нагадает синий день.
И грач заботливый приветит
Меня подмоченным крылом,
А значит можно жить на свете —
Что мы и делаем — живем!
И я подумаю, напрасно
Я смуту пестую в груди.
Ведь даже в самой страшной сказке
Конец хороший впереди!

1991 г.

РЕКА ПОШЛА

Весной не в счет туман и слякоть —
Пришли желанные деньки,
Когда, как флагом, машет саком
Рыбак у вздыбленной реки.
Когда устав от ледостава
Ждет переезда перевоз,
Теперь пора его настала,
Пока не сделан еще мост.
Река пошла, и дышит свежей,
Бодрящей влагой водоем.
И от простудных побережий
Несет проталинным теплом.
Сижу тверезый у причала,
Сижу, с паромщиком курю,
Как будто начал жить сначала,
О жизни лучшей говорю.
Все позади — зима и муки,
Душа надеждою полна.
Когда душа не знает скуки,
Она не требует вина.
Сливаясь с ломким ледоходом,
Она, как солнышко с утра,
Глядит на мир легко, свободно,
Желая в мире всем добра.

1993 г.

ДОЖДЬ НА РАДУНИЦУ

Весенний дождь не утихает —
Шумит, волнуется с утра,
К земле устами припадает
И говорит земле: «Пора»,

Чей-то пьяный намеренный смех...
Мне пора бы уж с ним подружиться,
Да я шкурой пошел не из тех!

1993 г.

ДЕТИ СУХОНЫ

В июльский полдень в полымя
сирени.
У старой пристани на берегу реки
С гармошкой борзою, галдя до
одуренья
На Троицу пируют мужики
Пейзаж с гармошкой и выпивкой
безмерной
Стоит в моих измученных глазах.
И я там был, и выпивал отменно
И унесен был к дому на руках.
Давно я болен обновленным сердцем
Но к очищению не приду никак,
Когда июнь сиреневым младенцем
Приподымает с горькою кулак.
О, дети Сухоны, как все мы
постарели,
Живя в глуши, не потеряв души.
И сколько песен у реки пропели!
Сивухи горькой море осушив.
И отчий край, окинув трезвым
взглядом,
Не обещая трезвости вперед,
Я все ж хочу быть рядом, только
рядом
С тобою, мой народ!

14 июня 1992 г.

НАШ САД

Прошел июньский с яблонь цветопад.
Повеяло от сада пустоцветом,
Но все равно, я несказанно рад
В свиданья час, хотя б увидеть это!
Мой старый сад, не помнится ль
тебе, —

Когда ты наливался «за колючкой»,
А сторож отправлялся за «горючкой»,
Ребячий наш стремительный набег?
О, как ты отбивался зеленцом,
А мы с него страдали животами —
Так открывалось тайное потом
И суд вершили взрослые над нами.
Но ты был цел, здоров из года в год.
И что сегодня сделалось с тобою?
Ты стал как беспризорный огород
И будто тем винишься предо мною.
Прости нас, сад. Среди жизненных
утрат —

Чему виною стало наше время —
Есть и твоя потеря, милый брат, —
И заодно, ты бедствуешь со всеми.
1989 г.

Ю. Ледневу.

У РУЧЬЯ

За молодой лесочек
Уйду своей тропой.
Соловушка — звоночек,
По следу мне запой.

Нам занимать не надо
Мелодию ничью —
Здесь прогонял я стадо
К гремячему ручью.
Нас ручеек свободный
Прохладой привечал.
Водицею холодной
В лучах зари журчал.
Стояло долго стадо
Над светлою водой.
О той былой прохладе,
Соловушка, не пой!
В источник первородный
Гляжусь сегодня я —
Улыбка та же вроде —
Да радость не моя.

1988 г.

* * *

Я любил в нашей старой избе
Песню зимнего ветра послушать,
Как умел он, свернувшись в трубе,
Изводить свою бедную душу.
Под углей остывающий жар
Кот зевает на жесткой лежанке
На столе пироги, самовар.
Сладкий запах индийской заварки.
Мать проведать решила меня
Хорошо поживаю ли, худо?
Только голову к бабке склоняя,
Я твержу: «Не уеду отсюда...»
Дорогая, смешная мечта!
Мы с тобой были резвые дети,

Потому нас ждала суета
И скитанья по белому свету.
Что искали мы? Что обрели?
В стороне от родимого дома?
Может, что и сулилось вдали
Да досталось кому то другому.
Обескрылило время избу,
Схоронили без музыки бабку.
Больше ветер не плачет в трубу
Разве всхлипнет в подъезде
украдкой.
Мы вернулись. Но в этом ли суть?
Почему так тревожится память?
И село, странно выпятив грудь
Смотрит каменно в снежную замять
1977 г.

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

В холодную вьюжную полночь,
Летя мимо окон моих,
Крестовая скорая помощь
Вещает о муках людских.
И мне в это время не легче:
Я чувствую жжение в груди.
Не вечны мы, знаю, не вечны
Но все таки не приведи
Сегодня лишиться мне друга,
Далекой любимой своей.
Полночная черная вьюга,
Как короток век у людей!
Я ночь заполняю стихами,
Рифмуя минувшие дни,
А где то руками, зубами

За жизнь ухватились они.
Спаси их, полночное чудо!
Спаси на краю бытия.
Я так понимаю вас, люди,
Что сам забываю себя.

1987 г.

* * *

Ночь холодная скоро закончится,
За какие не знаю грехи —
На меня навалилась бессонница
И предчувствием давит плохим.
Так же вьюга у окон каучила
В високосную ночь февраля,
Когда в доме сказали: «Отмучилась.
Будет пухом старушке земля...»
И терзает теперь непогодина,
Видно совесть сдружилась с ней:
Сколько лет не бывал я на родине
На могиле у няни своей?

В Устюг 1982 г.

* * *

Какая сутемень и снежность
легли окрест.
Холмов пустынная степенность
то дол, то лес
Тогда, в минуты размышлений
в сей тишине
Мир удивительных видений
грядет ко мне.
Я вижу старые селенья

на тех холмах.
Крылатых изб оцепененье
в седых дымах.
И санный след многослоенный
пронзает мглу.
Звон колокольцев отдаленный
плывет к селу.
Да это прадед,—мать честная,
слегка хмельной
Летит, горласто напевая,
к себе домой.
Вот лошадь спешилась у тына,
упряжка прочь...
Подарки ждут жену и сына,
а пуще дочь.
И в горнице уже смятенье
все сбились с ног.
Пусть будет праздник на мгновенье,
а там... даст бог!

Февраль 1977 г.

* * *

В лице меняется округа,
Судом Всевышнего грозя,
Мои беспечные подруги,
Мои порочные друзья.
Уходим к Богу понемногу,
Не понимая боль утрат,
Вот помянули на дорогу,
И снова дни вперед летят.
Летят, как сумрачные птицы, —
Другого сердцу не дано.
Иное племя веселится

И пьет заздравное вино...
Мы жили прямо, жили рьяно
И были духом не слабы,
Ходили весело и пьяно,
Душой вставая на дыбы,
Когда бы надо поумнее
По стопкам зелье разливать,
Когда бы надо повернее
Себя в кипении держать.
И все равно на гребне жизни,
Когда наступит чей-то час —
Сорокоустов слезы вызнав,
Я помяну с улыбкой вас.

1993 г.

* * *

«На золотом крыльце сидели», —
Слышу под шепот весенней капли
Детской считалки родной говорок:
— «Кто ты?»
— «Царевич!»
— «Поди за порог!»
Вышли «цари», «короли» из игры,
Остановив свою жизнь до поры,
Водкою горькой ли, острым ножом
Судьбы оборваны — лихо живем!
Тихо ступаю погостной тропой.
Те, кто считались, — лежат подо

мною.

Молча стою в поминальном кругу.
Очередь чья? Сосчитать не могу!

1989 г.

ОТРАВЛЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Терзанья памяти моей
Высвечивают в сердце снова
Черты знакомые друзей
Из прошлого недорогого.
В глазах ни веры, ни мечты, —
Похмельное оцепененье
Глядит из мутной пустоты
Отравленное поколение,
Что не дожив до тридцати,
Себя сожгло до половины...
Прости нас, Господи, прости
За сатанинские седины!
Жги, окаянная тоска!
За всех отвечаю и плачу,
Что, дотянув до сорока,
Сам ничего еще не значу.

1991 г.

* * *

Мы долго пили мед хмельной
Из прокаженного сосуда
И с охмеленной головой
От жизни требовали чуда.
Что чудо в нас, забыли мы
И налегали на веселье,
Пока заразное похмелье —
Не отрезвило нам умы.
Мы раскололи свой сосуд,
И отказались от чуда,
Но жизни неизбежный суд
За нами следует повсюду.

Не будет счастья долго нам,
Пока с бесовским настроением
По нашим выбитым следам
Идет другое поколение.

1991 г.

«РОЯЛЬ»

В моих глазах метались черти,
Мережилась иная даль,
Когда ударил я, поверьте,
В стеклобутылочный «Рояль».
Он зазвучал на крышке гроба.
Его я чуял под собой,
Но моя сильная утроба
Дала ему ответный бой.
Я вынес мертвое крещение.
А те и эта — не смогли
И я придал тому значенье:
Откуда змий тот завезли.
Подарок доброй заграницы:
Травитесь с Богом, мужики.
Но мы ж не полные тупицы,
Чтоб не понять сей жест руки!
От этой музыки угарной
В груди отчаянье и страх,
Что умираем так бездарно
С улыбкой мертвой на губах.

1993 г.

ОНА СТОЯЛА

Она стояла, сжатая в комочек,
Держа в руках изжамканный

платочек

И на детей испуганно глядела,
Как будто им сказать чего хотела,
Но если и сказать она хотела,
То выразить словами не умела..
Ей было с небольшим четыре года,
Но не дала ей разума природа.
А дети, как воробушки поржали
И в шалостях о боли забывали
Толкали ее весело руками:
Мол, что стоишь, давай-ка вместе
с нами!

Она к сестре ручонками прижалась
Как будто детской радости пугалась
И крик ее гортанный и безумный
Вдруг оборвал ребячий говор
шумный

Она не знала слов в четыре года,
Но виновата в этом ли природа?
Я видел: мать ее в тени березы
Хмельные с губ заглывала слезы..
Росли листочки клейкие из почек
Я девочке сорвал один листочек.
Взяла ручонкой тонкой, замолчала,
Но красоты земной не замечала.
1980 г.

О ДРУЖБЕ

Собрались, наболтались,
Наспорились,
И в хмельном забытии разошлись.
А на завтра
Опять успокоились
И молчком за дела принялись.

Сколько неотразимого, вещего
Прогремело за крепким вином —
Сколько с вечера было обещано —
Столько утром забыто потом.
И до встречи душа не шелохнется...
Мне такое известно давно:
Эта дружба, как бочка рассохнется,
Когда кончится в бочке вино...

1980 г.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС

На кого — на бегу — опереться,
Чтоб коней не сорвался полет?
Чтобы вырваться духом и сердцем
В этой жизненной гонке вперед!
Притомились мои вороны,
Не проделав и трети пути.
Взяли резко со старта, шальные,
Чтоб свободней в отрыве идти.
А за ними несутся другие,
Белогривые — мастью в пургу:
Слышу крики в затылок лихие
Ездока, да понять не могу.
Догоняет метельная тройка:
Кони молоды, дерзок ездок —
У него впереди еще столько!
У меня же последний рывок.
Я кричу, обжигаю ладони,
Напряжением руки налив...
И почуяли верные кони,
И пошли, и пошли на отрыв!
Я держусь на пределе и плачу...
Может это свершится сейчас?

Только мне не скажите: «Удача!»
Это шанс. Мой единственный шанс.
1990 г.

* * *

Себя разглядывая честно
Я вижу с должной высоты,
Что нет во мне ни совершенства,
Ни заповедной чистоты.
И хоть душа стремится к раю,
Рассудок метит прямо в ад.
Я трепещу. я замираю
И ничему опять не рад.
Жизнь повернулась круто снова.
И бунт ее неотвратим —
Мутанты времени больного,
На что мы, сетуя, шумим?
Свою покорную повинность
Еще нам долго не избыть.
Что в нас сегодня пробудилось,
То начинается только — быть.
И только крепкое терпенье
В смердящей плоти и крови
Нас приведет к преображенью
И человеческой любви.
И скоро требовать от Бога
Светлейших дней, вселучших благ
Перед тернистой дорогой
Нельзя. . Немыслимо никак.

1992 г.

* * *

Други пьяных моих закоулков,
Прежде чем удалиться от вас,

Я даю свою трезвую руку
Вам на лучшего времени час.
Кореша, я на вас не в обиде,
Но и вы не точите ножи,
На меня — что я ясно увидел
Нашу долгую улицу лжи.
Закрываю глаза на погосте,
Под весеннюю в небе грозу:
Как все было продумано просто —
Пей — гуляй! Отдохнуть увезут!
Полегло наше горькое племя
В неоплаканых чревах гробов,
Ну а те, кто остался — со всеми
Я сегодня проститься готов.
Кто о нас забубенных помянет?
Разве мой замордованный стих
Из могилы со вздохом восстанет
И напомнит о днях роковых!

г. Сокол 1990 г.

* * *

Посмотрю на апрельские выси,
Сколько в них молодой синевы,
А мои невеселые мысли
Не уйдут из больной головы.
Не вчера ль новогодняя пляска
Увлекала, кружила меня.
А сегодня весенняя ласка
Для меня, что хомут для коня!
Заплясал бы — да ноги ослабли.
Только смотрят глаза в высоту.
Все идем мы и пляшем туда ли?
Сколько брошено слов в пустоту.

Потому и гляжу в поднебесье —
Может манный посыплется дождь
Не устал я от плясок и песен, —
Да замучила праздная ложь.
Как теперь расхлебаться, не знаю
За свое, за чужое вранье?
Снова к небу глаза поднимаю,
А в глазах воронье, воронье...
г. Сокол 1989 г.

* * *

Что случилось с нами, мужики?
Помираем, гибнем, словно мухи
От чужой и от своей руки,
И земля нас не укроет пухом.
Беспощадно движется вперед,
Библией предсказанное время.
Неужели так произойдет —
Изойдет на нет мужское племя?
Я гляжу в свинцовую реку —
Эти похмельному утонули.
Этот, заглуша свою тоску,
Попросил забвения у пули.
Тот уснул от острого ножа.
Этот затянул на шее петлю...
Кладбище, натруженно дрожа,
На прохожих веет свежей смертью.
Говорю я людям и реке:
«Обуяли нас бесовьи силы.
Это только в нашем городке...
Ну, а что творится по России!»
И, родимым кланяясь местам,
Я кричу в таежное безбрежье:

«Не пора ли строить божий храм,
Мужики, на нашем побережье!?»

1993 г.

СЕМЬЯ

Я давно никого не боюсь.
Ни в какие системы не верю.
Посмотрю на растленную Русь
И сильнее ощущаю потерю
Непридуманной связи людей,
Что издревле зовется семьей,
Береженной до саванных дней
Богоносной крестьянской избою.
Эта крепость устоев святых
На крови родовой выростала,
Били в бровь ее, били под дых,
Но она, распрямившись, стояла!
Наполнялась игрою детей,
Кружевами и льнами светилась.
И на руки хозяйки своей,
Как на лик Преподобной молилась!
И какой новоявленный зверь
Перешел ее благостоянье?
Ни детей, ни устоев теперь —
Выживание и выжиданье!
Только где сохранилась семья —
Святорусской души заповедник —
Там еще ты стоишь, Русь моя!
Укрепляясь надеждой последней.

1990 г.

* * *

Что душа? Тревожные потемки!
Всматриваюсь пристально в себя.
Не сочтите, строгие потомки,
Что смотрю в нее, себя любя.
На душе опять царит затишье.
Хоть бы искра вспыхнула в груди.
А без искры в сердце не увидишь,
Что там затаилось впереди!
Оттого неисправимо хмурым
Я хожу по горестной Земле
Сам в себе вынашивая бурю
С грозовою песней на челе.

1989 г.

СТАНСЫ

Насколько еще хватит моих сил?
От пошлой жизни сердце кровотоцит.
Я так судьбу свою перекрутил,
Что выкрутиться — не хватает мочи.
Все не по мне! И всюду тошно мне!
Как в толчее московской пошехонцу.
И разве утром — в сельской тишине
Еще душа порадуется солнцу.
С кем раньше пил — оставили меня,
Но и они теперь мне не подмога.
Я отошел от Бесова огня, —
Но не явился к жертвеннику Бога.
Метая взоры в сатанинский сброд,
Что давит взглядом с радио и теле —
Экрана на расхристанный народ,
Я свои руки сдерживаю еле!

Мне грустно, родина! Я русский
человек
В нужде, как те в блуду —
преуспеваю.
Не на меня поставит новый век,
Но разочтется мною — это знаю!
Моей больной изношенной душой,
Моей рекой отравленной и лесом.
А свалят все — на долгий мой
запой —
Ну, что ж и это смертному известно!
Да! Проглядел я спьяну Сатану.
Но я кричу с весеннего причала:
«Не смейся, мразь, я долг тебе
верну, —
Я не погиб — я все начну сначала».
1991 г.

* * *

Я живу, не накопив рубля,
На свои бедняцкие поминки
Как умру, — богатые друзья,
Скиньтесь на дешевые ботинки,
Все душой скитальческой любя,
Исходив земное бездорожье,
Ставил я не дешево себя —
Только жизнь была меня доро^{же}.
1993 г.

* * *

Играю с лукавой судьбою —
Судьба не играет со мной.
Дыханье ее за собою

Я чувствую всякой порой.
И сердце безумное бьется,
И к цели открыты глаза,
Но кто-то в затылок смеется
И тянет бесщадно назад.
Ослабнут и воля, и тело,
И кажется, ты на краю.
Вдруг непредсказуемо смело
Он карту откроет твою.
И снова в душе воскресенье,
И снова блистают мечты,
Откуда же это спасенье?..
О Боже Всевидящий! Ты..

1993 г.

* * *

Давно, как было все давно:
Цветы, улыбки, аттестаты
И послебальное вино,
Распитое за интернатом.
Веселый взлет наивных лет!
Мои бедовые мальчишки,
О вас я знаю понаслышке:
Одни в беде, других уж нет.
Под эту праведную грусть
Я говорю без оправданий:
Мы принесли с собой на Русь
Сердечное похолоданье.
И счастье есть ли у души?
Спрошу себя — и сам отвечу:
«Ты не хотел его в тиши
И в суете им не замечен».

Чего мы в жизни натворили:
Такую кашу заварили,
Что не съедим ее никак.
Зачем же гущей дорогой
Теперь друг в друга нам кидаться?
Не лучше ль мирно разобраться:
Кто ты такой? Кто я такой?
Пора признать свои грехи,
Учтя истории уроки —
Все наши язвы и пороки
Пришли от Дьявольской руки.
Ужели трудно в Божий час
Через гордыню — помириться
И на святом остановиться —
Глядит Грядущее на нас.

1993 г.

* * *

Среди развала бытия
Несовершенного Союза
О чем грущу, вздыхаю я,
Как будто запряже^н в обузу?
О, родина, жалеть о ком?
В крестьянском выношен подоле,
Я не был даже в комсомоле.
Тем более большевиком.
А эти что теперь творят?
Чего они сегодня стоят?
Красиво жить не запретят
И жить красиво не позволят.
Какой чудовищный развал!

Брожение ума и духа.
Рос'сея! — нищая старуха,
Тебя такой я не видал!

* * *

Я вышел из таежного барака.
Путь предстоял мне труден и далек.
Я уходил. . и ветер, как собака
Зализывал следы моих сапог.
Я уходил под общую тревогу
Лесов, назначенных на упокой,
Казалось, сосны выйдут на дорогу
И учинят расправу надо мной.
Я вспомнил блеск и блеф лесоповала,
И судеб человеческих звено,
Чего мне так вчера недоставало,
И что сегодня стало все равно.
И понял я: была бы правда в боге,
То на суду карать пришлось бы всех:
И тех, кто славу выстрадал в пороке,
И тех, кто славой узаконил грех.

1988 г.

* * *

Я — ветра сын и белой ночи,
В туманный дуг — мое лицо.
Мои глаза созвездья точат
Под кровным знаком Близнецов.
Я прохожу — свободный нищий,
Желая всем вселучших благ.
На всероссийском пепелище,

Приподнимая русский флаг.
Я слышу, как Христос вздыхает,
Как закипает Сатана.
Живое время наступает
В глухонемые времена.
И тяжбы новые предвидя,
Кладу перста я на груди:
Все, россияне мои, выйдет —
Дорога к Храму впереди.

1990 г.

РОЖДЕСТВО РОССИИ

Сыплет снег, убивается ветер,
Все скандальнее ночь и темней.
Кто то ухаает зло на повети?
Кто то дышит в притворы дверей?
Не боюсь я в полночной квартире
Слушать шалости милых чертей.
В этом преобразованном мире
Надо больше бояться людей!
Надоели мне пылкие толки
И доклады имущих отцов, —
В поле воют голодные волки
Скоро сами мы зубы на полки
Покладем и не сыщем концов.
Сыплет снег, убивается ветер!
Все скандальнее ночь и темней.
Сколько бедных сегодня на свете
У огня замерзает людей!?
Что сказать мне? И что пожелать им?
По России тревожно метет.
И Свобода в задрипанном платье
По сугробам босая идет.

1992 г.

ПОГОСТ

Погост прирастает крестами
Село прибывает жильем.
Меж этими поясами
Рождаемся мы и живем.
И часто судьбой недовольны,
Виним в неудачах других.
Живем откровенно и больно,
Сердце не жалея своих.
Но если задуматься просто,
Себя изнуряя трудом,
На верную встречу с погостом
Мы все потихоньку идем..

1989 г.

* * *

Стали чайки угрюмей и тише
Окликать побережные сны.
Ледоходная Сухона, слышишь
Недовольную песню весны?
Так и мы — полнокровные реки
Захлебнулись своей глубиной:
Сколько желчи в живом человеке
Накопилось за век роковой.
Что весна нам? Сердечная мука —
Все гнилое всплывает со дна,
Лишь холодная смертная скука
Торжествует по храмам одна.
Да, ломаются грязные льдины
На излуках речной быстрины.
Все пути стали исповедимы
Перед ликом святой старины.

1991 г.

На свете мира нет —
Везде вражды пожар.
Былое — дикий бред!
Грядущее — кошмар!
Бреду среди берез,
Несу на теле крест.
Вот все, что я принес
Сюда из дальних мест.
Не надо лгать себе,
Что любишь все и всех.
Служи своей судьбе —
Тогда придет успех.
А что твоя судьба?
Терпение ума!
Минувшее — борьба!
Грядущее — сума!
Не требуй торжества
От пройденных дорог.
Нет в мире божества —
Есть в человеке — Бог!

1992 г.

Зайдем на сельское кладбище
В пасхальный поминальный час.
Не приключений сердце ищет —
Зовет былое в гости нас.
Сошли снега. Кресты сереют,
Шуршит цветная скорлупа.
Усопших бабушки жалеют,
К оврадам горестным припаив

И перед всем загробным светом,
Чтобы времен не слабла нить —
Не гоже русскому поэту
Яичко в пасху не разбить.

1990 г.

* * *

Ветра апрельского смелые жаркие
вздохи
Так согревают и радуют стылую
грудь,
Что не сойти мне с намеченной этой
дороги —
Труден и ясен присухонский
праздничный путь.
Через холмы, перелески, луга
заливные
Через набухшие вены подледных
ручьев.
Вскроются вены, и воды пойдут
пробивные
Через мою отогретую в сердце
любовь.
Прелью апрельской! И трелью
пернато весенней
Я разволнован, как клюквенным
старым вином
И подвигаюсь в пасхальную ночь
воскресенья
К Устюгским храмам дорогой
лесной — босяком.
Жизни расстроенной серые трудные
будни

Неблагодарной глухой високосной
зимы,
Вашей тоски никогда моя кровь не
забудет, —
Как я дошел, докатился до этой
сумы?
Я не бездельник. Не беженец этого
края.
Встану в притворе и сердцем седым
помолюсь:
«Дай мне надежды, удачи, земля
дорогая!
Перетерпевший, еще я тебе
пригожусь!»
Встанет заря над присухонской
талую ранью,
Вскроются версты ущербной
священной воды.
Полон труда, переполнен весенних
страданий,
К Устьюгу ветер погонит от Сокола
льды.
И возвращусь я обратно к себе
теплоходом,
Встретив в начале нагруженный
сухонский флот.
Чтобы опять со своим ущемленным
народом
Строить грядущее между цветущих
болот.
1992 г.

В. Ситникову.

РАССТАВАНИЕ С ВЕЛИКИМ

УСТЮГОМ

Всю ночь громыхало, давило
На город дождем и огнем,
Но ясного утра ярило
Все перемирило кругом.
Я вышел на воздух весенний
И улиц вдохнул аромат.
Черемухи цветопадением
За ночь побелили асфальт.
Я шел в настроении чудесном,
В преддверии троицких дней
И чутко внимал благовесту,
Умытых грозою церквей.
И весь обновленный и чистый
Я был благодарен Судьбе.
И Сухона бегом небыстрым
Меня подзывала к себе.
Я вышел на берег к причалу
В сиянии полном зари,
И что-то во мне зазвучало
И остро заныло внутри.
Согласная русскому чуду,
Душа поднялась к куполам...
Я понял, что это оттуда...
Что наше спасение там!

1991 г.

НА РОЖДЕСТВО

У зажженной свечи Рождества,
Полагаясь на волю господню,
Я не чую в душе торжества,
Чую лютую смуту сегодня.
Выйду в звездно лунявую мглу
За околицу спящей деревни,
Где застыл, словно нищий в снегу,
Древний храм за всенощным
молебном.

Сам я словно обобранный Храм,
Силюсь новым имущим поверить,
Но внимая их громким словам,
Не могу, не умею проверить.
Огрубела, устала душа!
Те ли к небу возносим молитвы?
Крепко силы нечистые слиты —
Мы же к Богу идем не спеша!
Не достигнуть нам кущ Божества,
Не сойдясь во единые кущи!
Потому у свечи Рождества
Я не верую нынче имущим!

1992 г.

ВИСИТ

Тревожно, громко
будто из боязни,
Кричит в погостном парке воронье.
И довершает вид святообразный
Разбитый храм
и ржавый крест на нем.
А крест повис,
того гляди сорвется,

Пролязгает о камни головой.
И тронутый, под ним перевернется
И завопит весь ужас гробовой.
Но крест висит..

пока...

Не шелохнется,
Удержан цепью кондовой Руси.
Висит
И страхом в сердце отдается
Его покой...
Как будто мир висит.

1988 г.

БЕЗЫМЯННЫЙ ПАМЯТНИК

Кладбище сползает под угор
В ледохода рыхлые горбы.
Кажется, расступится затор —
Поплывут по Сухоне гробы.
Нищий обезглавленный собор
Рухнет в судоходную волну
И гнилой кладбищенский забор
Поплывет, тараня глубину.
А пока стоит... Кого спросить:
«Что за церковь там? Что за погост?»
Безымянный памятник Руси
В кости человеческие врос.

1987 г.

РОССИЯ

Перед бурей птицы голосили
За три моря чуяли ее.
Верую в грозу твою, Россия!
И в предназначение твое.

Радость замешается с печалью,
Занавесит тучами зенит,
Вспыхнет Аввакумовскою далью.
Клюевскою близью прогремит.
В русских песни новые родятся
Под грозу, свежо заговорят.
Русичам ли молнии бояться —
Когда россы пережили ад.
Оживай, погостная Россия!
Грозовому времени внемли!
Верую, с тобой грядет Мессия
Во спасенье Матери Земли.

1991 г.

НИКОЛАЮ КЛЮЕВУ

Когда закатный август остывает
Клубами белыми над зеленью лощин.
И небо низкое лениво громыхает
Над усыпаньем северных равнин,
Душа моя, отравленная грустью,
Стихает враз, и в мудрой тишине
Я слышу, как над бедственную
Русью

Рыдает он по доброй старине.
И проступает в плаче его время,
Как будто он зовет меня к себе,
К своей любви, к живой своей избе,
Чтобы на них всходило мое семя
Но я стою угрюмый, безъязыкий,
Не в силах спеть ни слова о былом,
Заученный, замученный, безликий,
Как дерево в величии немом.
И плача его чуткое сказанье

Заполняет полого меня,
Так вот оно, священное дыханье
Целебного словесного огня!
И многих слов еще не понимая,
Я чувствую их праведный огонь,
И голову на север поднимая,
Я простираю к прошлому ладонь.
1990 г.

АЛЕКСЕЮ ГАНИНУ

Глазами грустными листая
Страницы прошлого села,
Все больше сердцем понимаю,
Что та деревня отжила.
Разбиты Избы каравеллы,
И догнивают на мели
Под рассыпною ржавью тлена
В крапиве тучной и пыли.
И нету в жизни больше кормчих,
Чтоб повели их снова вдаль
В благоуханье звездной ночи,
Где неумерена печаль.
Где в волнах трав позолоченных
Пошел б на утра алый свет,
На труд, на песню обреченный
Косарь свободный и поэт.
О, где ты, певчий сын России?
Ржаных полей, навинных льнов!
Ужели годы подкосили
Тревожный твой былинослов?
И в этой августовской рани
От колокольной высоты

Мне простонало время: «Ганин!»
Ну, здравствуй, милый — это ты!..
1989 г.

НИКОЛАЮ РУБЦОВУ

Шел теплоход по Сухоне в верховья
Исконно - русской северной земли,
Где в предосенней свежести покоя
Нас поджидала Вологда вдали
И берега пологие тянулись,
Переплетаясь в золоте излук,
Когда твои ресницы встрепенулись
И губы, вздрогнув, выронили вдруг:
А между прочим, осень на дворе...»
Сказала ты и в небо посмотрела
И словно текст, читая по заре,
Не торопясь, рубцовское запела.
С тобой запели вместе небеса
И берега усталые запели,
Запели робко маленькие ели,
Поддерживая эти голоса.
И в этом хоре жизни непростом
Все было так возвышенно, серьезно,
Что в устье Толшмы древняя береза
Нам показалась памятным крестом.
1983 г.

«Я умру в крещенские морозы».

Н. Рубцов.

Был закат, но не было рассвета.
Год смирен, да час бывает лих..
Над могилой русского поэта
Месяц опечаленный притих.

Шелестит заснеженный шиповник
У подножья траурной плиты,
Положив колючие ладони
Перед вечным миром чистоты:
«Я умру в крещенские морозы».
На реке трянуло глухо льды,
Съежились от холода березы
В роковом предчувствии беды.
Вот она набросилась.. довольна..
Не разжать матерые клыки..
Больше нет ни радости, ни боли
Только ветер воеет у реки.
Шелестит заснеженный шиповник
У подножья траурной плиты,
Положив колючие ладони
Перед вечным миром чистоты.

1978 г.

ПАМЯТИ С. ЧУХИНА

Жизнь напряженно продвигалась
На острие большой судьбы.
И вот жестоко оборвалась
В канун решающей борьбы!
..А мне не верится, товарищ!
Среди октябрьской глухоты
В тоску сомнительных пристанищ
Ко мне являлся часто ты,
Протягивал свободно руку,
И становились веселей
И грязь, и сонность переулков,
И неустроенность людей.
Мы много спорили о песне,
О краткой жизни, о любви,

О том, куда нас в поднебесьи
Зовут в предзимье журавли!?
Знать, сердце чуяло тревогу—
Навеки скрылся караван.
До Погорелова дорогу
Завесил саваном туман.

1989 г.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Я стою в ожидании рассвета
Слышу, как листобойный октябрь
Над могилой холодной поэта
Причитая, качает стихарь—
И от Сухоны высокобрежной
До приземистой тихой Оки
Слышу голос отчаянно нежный,
Доходящий до смертной тоски.
В этом голосе удаль и слабость
Терпеливо великой Руси.
Отчего не сбылась ее радость?
Даже некого нынче спросить.
Не сбылось, не сошлось,
    не свершилось..
Закусила судьба удила!
Видно, правда, в осеннюю сырость
Ты, Россия, на свет родилась.

1990 г.

* * *

Послушайте, друзья,
Мне открывать не надо,
Истолковав мой быт, —

Каким умам помог он проявиться!
И будем помнить главное одно:
Что русские с тобой мы—от начала!,
Пусть модным быть пока нам не
дано —
Мы только откатали от вокзала...
Пусть к нам в купе попутчики
заходят —
Мы всех настойкой русской угостим.
Пусть разговоры разные заводят —
Послушаем и умно помолчим.